

По этой книге
новые русские поколения
познакомятся с прошлым своей
страны. Пусть эта книга станет
настоьной у каждого человека,
считающего себя русским
и болеющего за свою
Родину.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

— Сергей Ольденбург —

Сергей Ольденбург

**Царствование
императора Николая II**

«Центрполиграф»

УДК 93/94
ББК 63.3

Ольденбург С. С.

Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург —
«Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-06592-6

Сергей Сергеевич Ольденбург был эрудитом и знатоком истории, и именно поэтому Высший монархический совет поручил ему написать историю царствования императора Николая II. Автор имел доступ к уникальным документам. Копии оригиналов подлинных исторических актов Российской империи в целях предосторожности стали отправлять на хранение в русское посольство в Париже еще задолго до Первой мировой войны. Глубокое исследование истории России конца XIX – начала XX в. создает многогранный законченный образ мощной державы со всеми ее экономическими, политическими, социальными потрясениями.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-06592-6

© Ольденбург С. С.
© Центрполиграф

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Ольденбург Царствование императора Николая II

© «Центрполиграф», 2016

Книга первая
Самодержавное правление
1894–1904

Николай II и императрица Александра Федоровна. 1896 г.

Глава 1

Манифест о восшествии государя на престол. – Оценка царствования императора Александра III (В. О. Ключевский, К. П. Победоносцев). – Общее положение в 1894 г. – Российская империя. – Царская власть. – Чиновничество. – Тенденции правящих кругов: «демофильская» и «аристократическая». – Внешняя политика и франко-русский союз. – Армия. – Флот. – Местное самоуправление. – Финляндия. – Печать и цензура. – Мягкость законов и суда. – Культурный уровень. – Литература к началу 90-х гг. – Искусство. – Положение сельского хозяйства. – Рост промышленности. – Постройка железных дорог; Великий Сибирский путь. – Бюджет. – Внешняя торговля. – Разнь между властью и образованным обществом. – Отзыв К. Н. Леонтьева

«Богу Всемогущему угодно было в неисповедимых путях своих прервать драгоценную жизнь горячо любимого родителя нашего, государя императора Александра Александровича. Тяжкая болезнь не уступила ни лечению, ни благодатному климату Крыма, и 20 октября Он скончался в Ливадии, окруженный августейшей семьей своей, на руках ее императорского величества государыни императрицы и наших.

Горя нашего не выразить словами, но его поймет каждое русское сердце, и мы верим, что не будет места в обширном государстве нашем, где бы не пролились горячие слезы по государю, безвременно отошедшему в вечность и оставившему родную землю, которую он любил всею силою своей русской души и на благоденствие которой он полагал все помыслы свои, не щадя ни здоровья своего, ни жизни. И не в России только, а далеко за ее пределами никогда не перестанут чтить память царя, олицетворявшего непоколебимую правду и мир, ни разу не нарушенный во все его царствование».

Этими словами начинается манифест, возвестивший России о восшествии императора Николая II на прародительский престол.

Правление императора Александра III, получившего наименование царя-мироотворца, не изобиловало внешними событиями, но оно наложило глубокий отпечаток на русскую и на мировую жизнь. За эти тринадцать лет были завязаны многие узлы – и во внешней, и во внутренней политике, – развязать или разрубить которые довелось его сыну и преемнику, государю императору Николаю II Александровичу.

И друзья, и враги императорской России одинаково признают, что император Александр III значительно повысил международный вес Российской империи, а в ее пределах утвердил и возвеличил значение самодержавной царской власти. Он повел русский государственный корабль иным курсом, чем его отец. Он не считал, что реформы 60-х и 70-х гг. – безусловное благо, а старался внести в них те поправки, которые, по его мнению, были необходимы для внутреннего равновесия России.

После эпохи Великих реформ, после войны 1877–1878 гг., этого огромного напряжения русских сил в интересах балканского славянства, России во всяком случае была необходима передышка. Надо было освоить, «переварить» произошедшие сдвиги.

В императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете известный русский историк, профессор В. О. Ключевский, в своем слове памяти императора Александра III через неделю после его кончины сказал:

«В царствование императора Александра III мы на глазах одного поколения мирно совершили в своем государственном строе ряд глубоких реформ в духе христианских правил, следовательно, в духе европейских начал – таких реформ, какие стоили Западной Европе вековых и часто бурных усилий, – а эта Европа продолжала видеть в нас представителей монгольской косности, каких-то навязанных приемышей культурного мира...

Прошло 13 лет царствования императора Александра III, и чем торопливее рука смерти спешила закрыть Его глаза, тем шире и изумленнее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования. Наконец и камни возопили, органы общественного мнения Европы заговорили о России правду, и заговорили тем искреннее, чем непривычнее для них было говорить это. Оказалось, по этим признаниям, что европейская цивилизация недостаточно и неосторожно обеспечила себе мирное развитие, для собственной безопасности поместилась на пороховом погребе, что горящий фитиль не раз с разных сторон приближался к этому опасному оборонительному складу, и каждый раз заботливая и терпеливая рука русского царя тихо и осторожно отводила его... Европа признала, что царь русского народа был государем международного мира, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России, по ее политической организации, в воле царя выражается мысль Его народа, и воля народа становится мыслью его царя. Европа признала, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизации, стояла и стоит на ее страже, понимает, ценит и оберегает ее основы не хуже ее творцов; она признала Россию органически необходимой частью своего культурного состава, кровным, природным членом семьи своих народов...

Наука отведет императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что Он одержал победу в области, где всего труднее достаются эти победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорила общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное самосознание, и сделал все это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда Его уже нет, Европа поняла, чем Он был для нее».

Если профессор Ключевский, русский интеллигент и скорее западник, останавливается больше на внешней политике императора Александра III и, видимо, намекает на сближение с Францией, – о другой стороне этого царствования в сжатой и выразительной форме высказался ближайший сотрудник покойного монарха, К. П. Победоносцев: «Все знали, что не уступит он русского, историей завещанного интереса ни на Польской, ни на иных окраинах инородческого элемента, что глубоко хранит он в душе своей одну с народом веру и любовь к Церкви православной; наконец, что он заодно с народом верует в непоколебимое значение власти самодержавной в России и не допустит для нее, в призраке свободы, гибельного смешения языков и мнений».

В заседании Французского сената его председатель Шалльмель-Лакур сказал в своей речи (5 ноября 1894 г.), что русский народ переживает «скорбь утраты властителя, безмерно преданного его будущему, его величию, его безопасности; русская нация под справедливой и миролюбивой властью своего императора пользовалась безопасностью, этим высшим благом общества и орудием истинного величия».

В таких же тонах отзывалась о почившем русском царе большая часть французской печати: «Он оставляет Россию более великой, чем ее получил», – писал *Journal des Debats*; а *Revue des deux Mondes* вторила словам В. О. Ключевского: «Это горе было и нашим горем; для нас оно приобрело национальный характер; но почти те же чувства испытали и другие нации... Европа почувствовала, что она теряет арбитра, который всегда руководился идеей справедливости».

* * *

1894 г. – как вообще 80-е и 90-е гг. – относится к тому долгому периоду «затишья перед бурей», самому долгому периоду без больших войн в новой и средневековой истории. Эта пора наложила отпечаток на всех, кто вырастал в эти годы затишья. К концу XIX в. рост материального благосостояния и внешней образованности шел с возрастающим ускорением. Тех-

ника шла от изобретения к изобретению, наука – от открытия к открытию. Железные дороги, пароходы уже сделали возможным «путешествие вокруг света в 80 дней»; вслед за телеграфными проволоками по всему миру уже протягивались нити телефонных проводов. Электрическое освещение быстро вытесняло газовое. Но в 1894 г. неуклюжие первые автомобили еще не могли конкурировать с изящными колясками и каретами; «живая фотография» была еще в стадии предварительных опытов; управляемые воздушные шары были только мечтой; об аппаратах тяжелее воздуха еще не слыхали. Не было изобретено радио, и не был еще открыт радий...

Почти во всех государствах наблюдался один и тот же политический процесс: рост влияния парламента, расширение избирательного права, переход власти к более левым кругам. Против этого течения, казавшегося в то время стихийным ходом «исторического прогресса», никто на Западе, в сущности, не вел реальной борьбы. Консерваторы, сами постепенно линия и левея, довольствовались тем, что временами замедляли темп этого развития – 1894 г. в большинстве стран как раз застал такое замедление.

Во Франции, после убийства президента Карно и ряда бессмысленных анархических покушений, вплоть до бомбы в палате депутатов и пресловутого Панамского скандала, которыми ознаменовалось начало 90-х гг. в этой стране, произошел как раз небольшой сдвиг вправо. Президентом был Казимир Перье, правый республиканец, склонный к расширению президентской власти; управляло министерство Дюпюи, опиравшееся на умеренное большинство. Но «умеренными» уже в ту пору считались те, кто в 70-х гг. были на крайней левой позиции Национального собрания; как раз незадолго перед тем – около 1890 г. – под влиянием советов папы Льва XIII значительная часть французских католиков перешла в ряды республиканцев.

В Германии после отставки Бисмарка влияние рейхстага значительно возросло; социал-демократия, постепенно завоевывая все большие города, становилась самой крупной германской партией. Консерваторы, со своей стороны, опираясь на прусский ландтаг, вели упорную борьбу с экономической политикой Вильгельма II. За недостаток энергии в борьбе с социалистами канцлер Каприви в октябре 1894 г. был заменен престарелым князем Гогенлоэ; но какой-либо заметной перемены курса от этого не получилось.

В Англии в 1894 г. на ирландском вопросе потерпели поражение либералы, и у власти находилось «промежуточное» министерство лорда Розбери, которое скоро уступило место кабинету лорда Солсбери, опиравшемуся на консерваторов и либералов-унионистов (противников ирландского самоуправления). Эти унионисты во главе с Чемберленом играли настолько видную роль в правительственном большинстве, что вскоре имя унионистов вообще лет на двадцать вытеснило название консерваторов. В отличие от Германии английское рабочее движение еще не носило политического характера, и мощные тред-юнионы, уже устраивавшие весьма внушительные забастовки, довольствовались пока экономическими и профессиональными достижениями – встречая в этом больше поддержки у консерваторов, нежели у либералов. Этими соотношениями объясняется фраза видного английского деятеля того времени: «Все мы теперь социалисты»...

В Австрии и в Венгрии парламентское правление было ярче выражено, чем в Германии: кабинеты, не имевшие большинства, должны были уходить в отставку. С другой стороны, сам парламент противился расширению избирательного права: господствующие партии боялись утратить власть. К моменту кончины императора Александра III в Вене правило недолговечное министерство князя Виндишгреца, опиравшееся на весьма разнородные элементы: на немецких либералов, на поляков и на клерикалов.

В Италии, после периода господства левых с Джолитти во главе, после скандала с назначением в сенат проворовавшегося директора банка Танлонго, в начале 1894 г. пришел снова к власти старый политический деятель Криспи, один из авторов Тройственного союза, в особых итальянских парламентских условиях игравший роль консерватора.

Хотя 2-й Интернационал был уже основан в 1889 г. и социалистические идеи получали в Европе все большее распространение, к 1894 г. социалисты еще не представляли собою серьезной политической силы ни в одной стране, кроме Германии (где в 1893 г. они провели уже 44 депутата). Но парламентарный строй во многих малых государствах – Бельгии, Скандинавских, Балканских странах – получил еще более прямолинейное применение, чем у великих держав. Кроме России, только Турция и Черногория из европейских стран вовсе не имели в то время парламентов.

Эпоха затишья была в то же время эпохой вооруженного мира. Все великие державы, а за ними и малые увеличивали и усовершенствовали свои вооружения. Европа, как выразился В. О. Ключевский, «для собственной безопасности поместилась на пороховом погребе». Всеобщая воинская повинность была проведена во всех главных государствах Европы, кроме островной Англии. Техника войны не отставала в своем развитии от техники мира.

Взаимное недоверие между государствами было велико. Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии казался наиболее мощным сочетанием держав. Но и его участники не вполне полагались друг на друга. Германия до 1890 г. еще считала нужным «перестраховаться» путем тайного договора с Россией – и Бисмарк видел роковую ошибку в том, что император Вильгельм II не возобновил этого договора, – а с Италией не раз вступала в переговоры Франция, стремясь оторвать ее от Тройственного союза. Англия пребывала в «великолепном одиночестве». Франция таила незажившую рану своего поражения в 1870–1871 гг. и готова была примкнуть ко всякому противнику Германии. Жажда реванша ярко проявилась в конце 80-х гг. успехами буланжизма.

Раздел Африки был в общих чертах закончен к 1890 г., по крайней мере на побережье. Внутрь материка, где еще оставались неисследованные области, отовсюду стремились предприимчивые колонизаторы, чтобы первыми поднять флаг своей страны и закрепить за ней «ничьи земли». Только на среднем течении Нила путь англичанам еще преграждало государство махдистов, фанатиков-мусульман, в 1885 г. одолевших и убивших при взятии Хартума английского генерала Гордона. И горная Абиссиния, на которую начинали свой поход итальянцы, готовила им неожиданно мощный отпор.

Все это были только островки – Африка, как раньше Австралия и Америка, становилась достоянием белой расы. До конца XIX в. преобладало убеждение, что и Азию постигнет та же участь. Англия и Россия уже следили друг за другом через тонкий барьер слабых еще самостоятельных государств, Персии, Афганистана, полунезависимого Тибета. Ближе всего дошло до войны за все царствование императора Александра III, когда в 1885 г. генерал Комаров под Кушкой разгромил афганцев: англичане зорко наблюдали за «воротами в Индию»! Однако острый конфликт был разрешен соглашением 1887 г.

Но на Дальнем Востоке, где еще в 1850-х гг. русские без борьбы заняли принадлежавший Китаю Уссурийский край, дремавшие народы как раз зашевелились. Когда умирал император Александр III, на берегах Желтого моря гремели пушки: маленькая Япония, усвоившая европейскую технику, одерживала свои первые победы над огромным, но еще недвижимым Китаем.

* * *

В этом мире Российская империя, с ее пространством в 20 миллионов квадратных верст, с населением в 125 миллионов человек, занимала видное положение. Со времени Семилетней войны, а в особенности с 1812 г. военная мощь России ценилась весьма высоко в Западной Европе. Крымская война показала пределы этой мощи, но в то же время и подтвердила ее прочность. С тех пор эпоха реформ, в том числе и в военной сфере, создала новые условия для развития русской силы.

Россию в это время начали серьезно изучать. А. Леруа-Болье на французском языке, сэр Д. Маккензи-Уоллес на английском издали большие исследования о России 1870–1880-х гг. Строение Российской империи весьма существенно отличалось от западноевропейских условий, но иностранцы тогда уже начали понимать, что речь идет о несходных, а не об «отсталых» государственных формах.

«Российская империя управляется на точном основании законов, от высочайшей власти исходящих. Император есть монарх самодержавный и неограниченный», – гласили русские основные законы. Царю принадлежала вся полнота законодательной и исполнительной власти. Это не означало произвола: на все существенные вопросы имелись точные ответы в законах, которые подлежали исполнению, пока не было отмены. В области гражданских прав русская царская власть вообще избегала резкой ломки, считалась с правовыми навыками населения и с благоприобретенными правами и оставляла в действии на территории империи и кодекс Наполеона (в царстве Польском), и Литовский статут (в Полтавской и Черниговской губерниях), и Магдебургское право (в Прибалтийском крае), и обычное право у крестьян, и всевозможные местные законы и обычаи на Кавказе, в Сибири, в Средней Азии.

Но право издавать законы нераздельно принадлежало царю. Был Государственный совет из высших сановников, назначенных туда государем; он обсуждал проекты законов; но царь мог согласиться, по своему усмотрению, и с мнением большинства, и с мнением меньшинства – или отвергнуть и то и другое. Обычно для проведения важных мероприятий образовывались особые комиссии и совещания; но они имели, разумеется, только подготовительное значение.

В области исполнительной полнота царской власти также была неограниченна. Людовик XIV после смерти кардинала Мазарини заявил, что хочет отныне быть сам своим первым министром. Но все русские монархи были в таком же положении. Россия не знала должности первого министра. Звание канцлера, присваивавшееся иногда министру иностранных дел (последним канцлером был светлейший князь А. М. Горчаков, скончавшийся в 1883 г.), давало ему чин I класса по Табели о рангах, но не означало какого-либо главенства над остальными министрами. Был Комитет министров, у него имелся постоянный председатель (в 1894 г. им еще состоял бывший министр финансов Н. Х. Бунге). Но этот Комитет был, в сущности, только своего рода межведомственным совещанием.

Все министры и главноуправляющие отдельными частями имели у государя свой самостоятельный доклад. Государю были также непосредственно подчинены генерал-губернаторы, а также градоначальники обеих столиц.

Это не значило, что государь входил во все детали управления отдельными ведомствами (хотя, например, император Александр III был «собственным министром иностранных дел», которому докладывались все «входящие» и «исходящие»; Н. К. Гирс был как бы его «товарищем министра»). Отдельные министры имели иногда большую власть и возможность широкой инициативы. Но они имели их, *поскольку и пока* им доверял государь.

Для проведения в жизнь предначертаний, идущих сверху, Россия имела также многочисленный штат чиновников. Император Николай I обронил когда-то ироническую фразу о том, что Россией управляют 30 000 столоначальников. Жалобы на «бюрократию», на «средостение» были весьма распространены в русском обществе. Принято было бранить чиновников, ворчать на них. За границей существовало представление о чуть ли не поголовном взяточничестве русских чиновников. О нем часто судили по сатирам Гоголя или Щедрина; но карикатура, даже удачная, не может считаться портретом. В некоторых ведомствах, например в полиции, низкие оклады действительно способствовали довольно широкому распространению взятки. Другие, как, например Министерство финансов или судебное ведомство после реформы 1864 г., пользовались, наоборот, репутацией высокой честности. Надо, впрочем, признать, что одной из черт, роднивших Россию с восточными странами, было бытовое снисходительное отношение к многим поступкам сомнительной честности; борьба с этим явлением была психологически

нелегка. Некоторые группы населения, как, например, инженеры, пользовались еще худшей репутацией, чем чиновники, – весьма часто, разумеется, незаслуженной.

Зато правительственные верхи были свободны от этого недуга. Случаи, когда к злоупотреблениям оказывались причастны министры или другие представители власти, были редчайшими сенсационными исключениями.

Как бы то ни было, русская администрация, даже в самых несовершенных своих частях, выполняла, несмотря на трудные условия, возложенную на нее задачу. Царская власть имела в своем распоряжении послушный и стройно организованный государственный аппарат, прилаженный к многообразным потребностям Российской империи. Этот аппарат создавался веками – от московских приказов – и во многом достиг высокого совершенства.

Но русский царь был не только главой государства: он был в то же время главою Русской православной церкви, занимавшей первенствующее положение в стране. Это, конечно, не означало, что царь был вправе касаться церковных догматов; соборное устройство православной церкви исключало такое понимание прав царя. Но по предложению Святейшего синода, высшей церковной коллегии, назначение епископов производилось царем; и от него же зависело (в том же порядке) пополнение состава самого Синода. Связующим звеном между церковью и государством был обер-прокурор Синода. Эта должность более четверти века занималась К. П. Победоносцевым, человеком выдающегося ума и сильной воли, учителем двух императоров – Александра III и Николая II.

За время правления императора Александра III проявились следующие основные тенденции власти: не огульно-отрицательное, но во всяком случае *критическое* отношение к тому, что именовалось «прогрессом», и стремление придать России больше внутреннего единства путем утверждения первенства русских элементов страны. Кроме того, одновременно проявлялись два течения, далеко не сходные, но как бы восполнявшие друг друга. Одно, ставящее себе целью защиту слабых от сильных, предпочитающее широкие народные массы отделившимся от них верхам, с некоторыми уравнительными склонностями, в терминах нашего времени можно было бы назвать «демофильским» или христианско-социальным. Это – течение, представителями которого были, наряду с другими, министр юстиции Манасеин (ушедший в отставку в 1894 г.) и К. П. Победоносцев, писавший, что «дворяне одинаково с народом подлежат обузданию». Другое течение, нашедшее себе выразителя в министре внутренних дел графе Д. А. Толстом, стремилось к укреплению правящих сословий, к установлению известной иерархии в государстве. Первое течение между прочим горячо отстаивало крестьянскую общину как своеобразную русскую форму решения социального вопроса.

Русификаторская политика встречала больше сочувствия у «демофильского» течения. Наоборот, яркий представитель второго течения, известный писатель К. Н. Леонтьев выступил в 1888 г. с брошюрой «Национальная политика как орудие всемирной революции» (в последующих изданиях слово «национальная» было заменено «племенная»), доказывая, что «движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации».

Из видных правых публицистов того времени к первому течению примыкал М. Н. Катков, ко второму – князь В. П. Мещерский.

Сам император Александр III, при его глубоко русском складе ума, не сочувствовал русификаторским крайностям и выразительно писал К. П. Победоносцеву (в 1886 г.): «Есть господа, которые думают, что они одни Русские, и никто более. Уже не воображают ли они, что я немец или Чухонец? Легко им с их балаганным патриотизмом, когда они ни за что не отвечают. Не я дам в обиду Россию».

* * *

Во внешней политике царствование императора Александра III принесло большие перемены. Та близость с Германией, вернее, с Пруссией, которая оставалась общей чертой русской политики с Екатерины Великой и проходит красной нитью через царствования Александра I, Николая I и особенно Александра II, сменилась заметным охлаждением. Едва ли было бы правильным, как это иногда делают, приписывать это развитие событий антигерманским настроениям императрицы Марии Феодоровны, датской принцессы, вышедшей замуж за русского наследника вскоре после датско-прусской войны 1864 г.! Можно разве сказать, что политические осложнения на этот раз не смягчались, как в предшествующие царствования, личными добрыми отношениями и семейными связями династий. Причины были, конечно, преимущественно политические.

Хотя Бисмарк и считал возможным совмещать Тройственный союз с дружественными отношениями с Россией, австро-германо-итальянский союз был, конечно, в основе охлаждения между старыми друзьями. Берлинский конгресс оставил горечь в русском общественном мнении. На верхах начали звучать антигерманские нотки. Известна резкая речь генерала Скобелева против немцев; Катков в «Московских ведомостях» вел против них кампанию. К середине 80-х гг. напряжение стало ощущаться сильнее; германский семилетний военный бюджет (септеннат) был вызван ухудшением отношений с Россией. Германское правительство закрыло берлинский рынок для русских ценных бумаг.

Императора Александра III, как и Бисмарка, это обострение серьезно тревожило, и в 1887 г. был заключен – на трехлетний срок – так называемый договор о перестраховке. Это было секретное русско-германское соглашение, по которому обе страны обещали друг другу благожелательный нейтралитет на случай нападения какой-либо третьей страны на одну из них. Соглашение это составляло существенную оговорку к акту Тройственного союза. Оно означало, что Германия не будет поддерживать какого-либо антирусского выступления Австрии. Юридически эти договоры были совместимы, так как и Тройственный союз предусматривал только поддержку в том случае, если кто-либо из его участников *подвергнется нападению* (что и дало Италии возможность в 1914 г. объявить нейтралитет, не нарушая союзного договора).

Но этот договор о перестраховке не был возобновлен в 1890 г. Переговоры о нем совпали с моментом отставки Бисмарка. Его преемник, генерал Каприви, с военной прямолинейностью указал Вильгельму II, что этот договор представляется нелояльным в отношении Австрии. Со своей стороны, император Александр III, питавший симпатии к Бисмарку, не стремился связываться с новыми правителями Германии.

После этого, в 90-х гг., дело дошло до русско-германской таможенной войны, завершившейся торговым договором 20 марта 1894 г., заключенным при ближайшем участии министра финансов С. Ю. Витте. Этот договор давал России – на десятилетний срок – существенные преимущества.

Отношениям с Австро-Венгрией нечего было и портиться: с того времени, как Австрия, спасенная от венгерской революции императором Николаем I, «удивила мир неблагодарностью» во время Крымской войны, Россия и Австрия так же сталкивались на всем фронте Балкан, как Россия и Англия на всем фронте Азии.

Англия в то время еще продолжала видеть в Российской империи своего главного врага и конкурента, «огромный ледник, нависающий над Индией», как выразился в английском парламенте лорд Биконсфильд (Дизраэли).

На Балканах Россия пережила за 80-е гг. тягчайшие разочарования. Освободительная война 1877–1878 гг., стоившая России столько крови и таких финансовых потрясений, не принесла ей непосредственных плодов. Австрия фактически завладела Боснией и Герцеговиной,

и Россия вынуждена была это признать, чтобы избежать новой войны. В Сербии находилась у власти династия Обреновичей в лице короля Милана, явно тяготевшая к Австрии. Про Болгарию даже Бисмарк едко отозвался в своих мемуарах: «Освобожденные народы бывают не благодарны, а притязательны». Там дело дошло до преследования русофильских элементов. Замена князя Александра Баттенбергского, ставшего во главе антирусских течений, Фердинандом Кобургским не улучшила русско-болгарских отношений. Только в 1894 г. должен был уйти в отставку Стамбулов, главный вдохновитель русофобской политики. Единственной страной, с которой Россия в течение долгих лет даже не имела дипломатических сношений, была Болгария, так недавно воскрешенная русским оружием из долгого государственного небытия!

Румыния находилась в союзе с Австрией и Германией, обиженная тем, что в 1878 г. Россия вернула себе небольшой отрезок Бессарабии, отнятой у нее в Крымскую войну.¹ Хотя Румыния получила при этом в виде компенсации всю Добруджу с портом Констанцей, она предпочла сблизиться с противниками русской политики на Балканах.

Когда император Александр III провозгласил свой известный тост за «единственного верного друга России, князя Николая Черногорского», – это, в сущности, соответствовало действительности. Мощь России была настолько велика, что она не чувствовала себя угрожаемой в этом одиночестве. Но после прекращения договора о перестраховке, во время резкого ухудшения русско-германских экономических отношений, император Александр III предпринял определенные шаги для сближения с Францией.

Республиканский строй, государственное безверие и такие недавние в то время явления, как Панамский скандал, не могли располагать к Франции русского царя, хранителя консервативных и религиозных начал. Многие считали поэтому франко-русское соглашение исключенным. Торжественный прием моряков французской эскадры в Кронштадте, когда русский царь с непокрытой головой слушал «Марсельезу», показал, что симпатии или антипатии к внутреннему строю Франции не являются решающими для императора Александра III. Мало кто, однако, думал, что уже с 1892 г. между Россией и Францией был заключен тайный оборонительный союз, дополненный военной конвенцией, указывающей, какое количество войск обе стороны обязуются выставить на случай войны с Германией. Договор этот был в то время настолько секретным, что о нем не знали ни министры (конечно, кроме двух-трех высших чинов Министерства иностранных дел и военного ведомства), ни даже сам наследник престола.

Французское общество давно жаждало оформления этого союза, но царь поставил условием строжайшее сохранение тайны, опасаясь, что уверенность в русской поддержке может породить во Франции воинственные настроения, оживить жажду реванша и правительство, по особенностям демократического строя, не будет в силах противиться напору общественного мнения.

* * *

Российская империя в ту пору обладала самой многочисленной в мире армией мирного времени. Ее 22 корпуса, не считая казаков и нерегулярных частей, достигали численности 900 000 человек. При четырехлетнем сроке военной службы ежегодный призыв новобранцев давал в начале 90-х гг. втрое больше людей, чем было нужно армии. Это не только давало возможность производить строгий отбор по физической годности, но и позволяло предоставлять широкие льготы по семейному положению. Единственные сыновья, старшие братья, на попечении коих находились младшие, учителя, врачи и т. д., освобождались от действительной военной службы и прямо зачислялись в ратники ополчения второго разряда, до которых

¹ Измаильский уезд, с площадью в 8128 кв. верст, с населением около 125 000 человек.

мобилизация могла дойти лишь в самую последнюю очередь. В России зачислялся в армию всего 31 процент призывных каждого года, тогда как во Франции 76 процентов.

На вооружение армии работали преимущественно *казенные* заводы; в России не было тех «торговцев пушками», которые пользуются столь нелестной репутацией на Западе.

Для подготовки офицерского состава имелось 37 средних и 15 высших военных учебных заведений, в которых обучалось 14 000–15 000 человек.

Все нижние чины, проходившие службу в рядах армии, получали, кроме того, известное образование. Неграмотных обучали читать и писать, и всем давались некоторые основные начала общего образования.

Русский флот, находившийся в упадке со времени Крымской войны, в царствование императора Александра III ожил и отстроился. Было спущено на воду 114 новых военных судов, в том числе 17 броненосцев и 10 бронированных крейсеров. Водоизмещение флота достигало 300 000 тонн – русский флот занимал третье место (после Англии и Франции) в ряду мировых флотов. Слабой стороной его было, однако, то, что Черноморский флот – около трети русских морских сил – был заперт в Черном море по международным договорам и не имел возможности принять участие в борьбе, которая возникла бы в иных морях.

* * *

Россия не имела имперских представительных учреждений; император Александр III, говоря словами К. П. Победоносцева, веровал «в непоколебимое значение власти самодержавной в России» и не допускал для нее «в призраке свободы, губительного смешения языков и мнений». Но от предшествующего царствования в наследие остались органы местного самоуправления, земства и города; и еще со времен Екатерины II существовало сословное самоуправление в лице дворянских собраний, губернских и уездных (мещанские управы и другие органы самоуправления горожан утратили постепенно всякое реальное значение).

Земские самоуправления были введены (в 1864 г.) в 34 (из 50)² губерниях Европейской России, то есть распространились более нежели на половину населения империи. Они избирались тремя группами населения: крестьянами, частными землевладельцами и горожанами; число мест распределялось между группами соответственно суммам платимых ими налогов. В 1890 г. был издан закон, усиливший роль дворянства в земствах. Вообще частные владельцы, как более образованный элемент деревни, играли руководящую роль в большинстве губерний; но были и земства преимущественно крестьянские (Вятское, Пермское, например). Русские земства имели более широкую сферу деятельности, чем сейчас имеют органы местного самоуправления во Франции. Медицинская и ветеринарная помощь, народное образование, содержание дорог, статистика, страховое дело, агрономия, кооперация и т. д. – такова была сфера деятельности земств.

Городские самоуправления (думы) избирались домовладельцами. Думы избирали городские управы с городским головой во главе. Сфера их компетенции в пределах городов была в общих чертах та же, что у земств в отношении деревни.

Наконец, и деревня имела свое крестьянское самоуправление, в котором принимали участие все взрослые крестьяне и жены отсутствующих мужей. Миром решались местные вопросы и избирались уполномоченные на волостной сход. Старосты (председатели) и при них состоявшие писаря (секретари) руководили этими первичными ячейками крестьянского самоуправления.

---

² Земств не было: в 12 западных губерниях, где среди землевладельцев преобладали нерусские элементы; в редко населенных Архангельской и Астраханской губерниях; в Области войска Донского и в Оренбургской губернии с их казачьими учреждениями.

В общем, к концу царствования императора Александра III, при государственном бюджете в 1 миллиард 200 миллионов рублей, местные бюджеты, находившиеся в ведении выборных учреждений, достигали суммы около 200 миллионов, из которых на земства и города приходилось примерно по 60 миллионов в год. Из этой суммы земства тратили около трети на медицинскую помощь и около одной шестой – на народное образование.

Дворянские собрания, созданные еще Екатериной Великой, состояли из всех потомственных дворян каждой губернии (или уезда), причем участвовать в собраниях могли только те дворяне, которые имели в данной местности земельную собственность.³ Губернские дворянские собрания были, в сущности, единственными общественными органами, в которых порою обсуждались на законном основании вопросы общей политики. Дворянские собрания в виде адресов на высочайшее имя не раз выступали с политическими резолюциями. Кроме этого, сфера их компетенции была весьма ограничена, и они играли известную роль только благодаря своей связи с земствами (местный предводитель дворянства являлся по должности председателем губернского или уездного земского собрания).

Значение дворянства в стране в то время уже заметно шло на убыль. В начале 1890-х гг., вопреки распространенным на Западе представлениям, в 49 губерниях Европейской России из 381 миллиона десятин земельной площади только 55 миллионов принадлежало дворянам, тогда как в Сибири, Средней Азии и на Кавказе дворянское землевладение вообще почти отсутствовало (только в губерниях царства Польского дворянству принадлежало 44 процента земель).

В местных самоуправлениях, как везде, где действует выборное начало, были, конечно, свои группировки, свои правые и левые. Были земства либеральные и земства консервативные. Но настоящих партий из этого не слагалось. Не было в то время и сколько-нибудь значительных нелегальных группировок после распада «Народной воли», хотя за границей и выходили кое-какие революционные издания. Так, Лондонский фонд нелегальной печати (С. Степняк, Н. Чайковский, Л. Шишко и др.) в отчете за 1893 г. сообщил, что за год им распространено 20 407 экземпляров нелегальных брошюр и книг – из них 2360 в России, что составляет небольшое количество на 125 миллионов населения...

На особом положении находилось Великое княжество Финляндское. Там действовала конституция, дарованная еще Александром I. Финский сейм, состоявший из представителей четырех сословий (дворян, духовенства, горожан и крестьян), созывался каждые пять лет, и при императоре Александре III он даже получил (в 1885 г.) право законодательной инициативы. Местным правительством был сенат, назначавшийся императором, а связь с общеимперским управлением обеспечивалась через министра – статс-секретаря по делам Финляндии.

При отсутствии представительных учреждений организованной политической деятельности в России не было, и попытки создать партийные группы немедленно пресекались полицейскими мерами. Печать находилась под зорким наблюдением власти. Некоторые большие газеты выходили, однако, без предварительной цензуры – чтобы ускорить выпуск – и несли поэтому риск последующих репрессий. Обычно газете делалось два «предостережения», и на третьем ее выход в свет приостанавливался. Но при этом газеты оставались *независимыми*: в известных рамках, при условии некоторой внешней сдержанности, они могли проводить, и зачастую проводили взгляды, весьма враждебные правительству. Большинство больших газет и журналов было заведомо оппозиционными. Правительство только ставило внешние преграды выражению враждебных ему воззрений, а не пыталось влиять на содержание печати.

Можно сказать, что русская власть не имела ни склонности, ни способности к саморекламе. Ее достижения и успехи нередко оставались в тени, тогда как неудачи и слабые сто-

³ Дворянство в России не составляло замкнутой касты; права потомственного дворянства приобретались каждым, кто достигал чина VIII класса по Табели о рангах (коллежского асессора, капитана, ротмистра).

роны старательно расписывались с мнимой объективностью на страницах русской повременной печати, а за границей распространялись русскими политическими эмигрантами, создавая во многом ложные представления о России.

В отношении книг наиболее строгой была цензура церковная. Менее суровая, чем Ватикан с его «индексом», она в то же время имела возможность не только заносить запрещенные книги в списки, но и пресекать на деле их распространение. Так, под запретом были антицерковные писания графа Л. Н. Толстого, «Жизнь Иисуса» Ренана; при переводах из Гейне, например, исключались места, содержащие глумление над религией. Но в общем – особенно если принять во внимание, что цензура в разные периоды действовала с различной степенью строгости, а книги, однажды допущенные, редко изымались затем из обращения, – книги, запрещенные для русского «легального» читателя, составляли ничтожную долю мировой литературы. Из крупных русских писателей запрещен был только Герцен.

В стране, которую за границей считали «царством кнута, цепей и ссылки в Сибирь», действовали на самом деле весьма мягкие и гуманные законы. Россия была единственной страной, где смертная казнь вообще была отменена (со времен императрицы Елизаветы Петровны) для всех преступлений, судимых общими судами. Она оставалась только в военных судах и для высших государственных преступлений. За XIX в. число казненных (если исключить оба польских восстания и нарушения воинской дисциплины) *не составляло и ста человек за сто лет*. За царствование императора Александра III, кроме участников цареубийства 1 марта, казнены были только несколько человек, покушавшихся убить императора (один из них, между прочим, был как раз А. Ульянов – брат Ленина).

Административная ссылка на основании закона о положении усиленной охраны применялась зато довольно широко ко всем видам противоправительственной агитации. Были разные степени ссылки: в Сибирь, в северные губернии («места не столь отдаленные», как это обычно называли), иногда просто в провинциальные города. Высланным, не имевшим собственных средств, выдавалось казенное пособие на жизнь. В местах ссылки образовывались особые колонии людей, объединенных общей судьбой; нередко эти колонии ссыльных становились ячейками будущей революционной работы, создавая связи и знакомства, содействуя «закрепощению» во вражде к существующему порядку. Те же, кто считались наиболее опасными, помещались в Шлиссельбургскую крепость на острове в верхнем течении Невы.

Русский суд, основанный на судебных уставах 1864 г., стоял с того времени на большой высоте; «гоголевские типы» в судебном мире отошли в область преданий. Бережное отношение к подсудимым, широчайшее обеспечение прав защиты, отборный состав судей – все это составляло предмет справедливой гордости русских людей и соответствовало настроениям общества. Судебные уставы были одними из немногих законов, которые общество не только уважало, но и готово было ревниво защищать от власти, когда она считала необходимым вносить оговорки и поправки в либеральный закон для более успешной борьбы с преступлениями.

Труднее всего было бы определить культурный уровень русского народа. Если измерить его одними внешними признаками, числом учебных заведений, числом учащихся и их соотношением с общей численностью населения, было бесспорно, что большинство европейских государств в этом отношении опередило Россию. К 1894 г. в девяти русских университетах обучалось 14 327 студентов; вместе со специальными высшими учебными заведениями (техническими, военными, художественными и т. д.) оно достигало 25 000–30 000 человек. В средних учебных заведениях (их было около 900) обучалось 224 000 человек (из них в женских 75 500). В низших учебных заведениях всех видов (около 72 000) обучалось 3 360 000 детей. Учащиеся составляли, таким образом, немного менее 3 процентов общей массы населения.⁴ Для

⁴ В общем 3 % имелись в земских губерниях и вообще в Европейской России (выше – около 6 % – только в трех Прибалтийских губерниях). Цифра эта резко понижалась на Кавказе (1,7) и особенно в только недавно завоеванной Средней Азии

азиатских стран такой процент учащихся, как в России, казался бы вообще огромным. (В странах всеобщего обязательного обучения учащиеся составляют около 10 процентов населения.)

В России выходило к 1894 г. около 850 периодических изданий всех видов; ежедневных газет, не считая губернских официальных изданий, имелось около ста. Во главе оппозиционной печати были в то время в Санкт-Петербурге «Новости», в Москве – «Русские ведомости», тогда как наиболее распространенной умеренной газетой было суворинское «Новое время», а правыми органами были «Гражданин» князя Мещерского и «Московские ведомости», имевшие, однако, меньший вес после смерти М. Н. Каткова. Из так называемых толстых журналов только «Русский вестник» был органом консервативным, тогда как «Вестник Европы» и «Русская мысль» держались либерального направления, а в «Русском богатстве» и «Мире Божием» пробивалась социалистическая струя. Особо стоял «Северный вестник», проводивший взгляды враждебные плоскому материализму 60-х гг., но в то же время политически весьма далекий от власти. Провинциальная печать была беднее и серее столичной, но и там – исключением был «Киевлянин» профессора Д. И. Пихно – преобладали сдержанно оппозиционные тона. Именно в провинции большевики упоминают первые ростки «марксистской печати».

В России в 1894 г. имелось 1315 типографий. Книг и других непериодических изданий выпущено было 16 541, в том числе около 6000 в Санкт-Петербурге и около 2500 в Москве. Тираж их достигал нескольких десятков миллионов экземпляров.

Число общественных библиотек под влиянием деятельности земств в этой области быстро росло и приближалось к 4000, во главе с Императорской Публичной библиотекой с ее полутора миллионами книг и 15 000 читателей в год. Большие библиотеки также имелись в Академии наук, в Румянцевском музее (Москва) и при всех университетах. Согласно закону по одному экземпляру каждой книги, выходившей в России, должно было поступать в библиотеку Академии наук и в Публичную библиотеку.

Иностранные наблюдатели не раз отмечали высокий культурный уровень образованных слоев русского общества, нашедший себе такое яркое выражение в русской литературе XIX в., сразу выдвинувшейся в первые ряды мировой литературы. Отмечалось также, что, в отличие от Запада, в России образование более равномерно распространяется и на женщин, которые в России вообще были гораздо ближе к гражданскому и социальному равенству с мужчинами, чем в Западной Европе, особенно в романских странах. Профессор Legras в своих впечатлениях о пребывании в России в 1892 г. писал: «Лицеи для девиц (гимназии) буквально кишат в России... Серьезное развитие женского образования в России имеет и свои преимущества... Чувствуешь, что их ум прошел иную школу, чем у воспитанниц наших модных монастырей... Русские девушки менее сдержанны, но более естественны, чем девицы в наших пансионатах». Этот отзыв любопытен потому, что он исходит от человека, отзывающегося в общем без сочувствия об императорской России.

В русской литературе начало 90-х гг. было периодом тусклым, промежуточным. Большие писатели второй половины века сошли со сцены. Достоевский и Тургенев умерли, Л. Н. Толстой отошел от художественного творчества и занимался проповедью своих учений. В 1892 г. скончался А. А. Фет, давший за последние годы жизни свои великолепные «Вечерние огни»; из меньших умерли Гаршин, Гл. Успенский, раньше – Писемский; поэты Апухтин и Надсон (так безмерно возвеличенный русской публикой того времени). Доживали последние годы А. Н. Майков (ум. 1897), Я. П. Полонский (ум. 1898), Н. С. Лесков (ум. 1895). Из новых писателей А. П. Чехов еще не получил общего признания; он пользовался меньшей известностью, чем Короленко. Только вокруг «Северного вестника» ощущалось некоторое «движение воды» – возникало так называемое «декадентство» с Мережковским, Гиппиус, Минским во главе. Свою

первую книгу в 1894 г. выпустил Бальмонт. Одинок стоял талантливый поэт-алкоголик К. М. Фофанов.

Из русских писателей того времени наибольшей известностью пользовался философ Владимир Соловьев. К. Н. Леонтьев скончался в 1892 г.; в «Русском вестнике» о нем поместил ряд статей талантливый публицист В. В. Розанов, получивший известность своей небольшой книгой «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского».

В критике господствовала политическая тенденция. Большим влиянием пользовался Н. К. Михайловский. Литературу рассматривали с точки зрения общественной пользы (весьма узко понимаемой), и на «Северный вестник» за его защиту чистого искусства сыпались громы почти всех других органов печати.

Архитектура, как, впрочем, и во всех других странах, находилась в печальном упадке. Утилитарный дух века, казалось, убил творчество в этой области; строились в огромных количествах только безобразные, четырех- и пятиэтажные жилые дома, чтобы вместить быстро растущее население городов. Было не до церквей и не до дворцов...

В живописи наибольшей популярностью пользовались передвижники, реалисты с «общественно полезной» тенденцией. Их выставки, «передвигавшиеся» из города в город, привлекали наибольшее число посетителей: в Санкт-Петербурге от 25 000 до 44 000 человек, в Москве – до 27 000, тогда как выставки Академии художеств не достигали цифр выше 18 000–20 000 посетителей. В. А. Серов был еще в ту пору начинающим художником; на первом плане были имена Крамского, Репина, Сурикова и Верещагина; в моде были также «марины» Айвазовского. Религиозную струю в живопись вносили В. М. Васнецов и Нестеров, трогательно преданный поклонник императора Александра III. В скульптуре первое место принадлежало Антокольскому.

* * *

Семь восьмых населения Российской империи жило в деревне, и только одна восьмая – в городах. Уже из этого явствует преобладающее значение сельского хозяйства. Но именно эта отрасль народной экономической жизни находилась в состоянии известного застоя. Отмена крепостного права сильно подорвала частное землевладение и в хозяйственном отношении весьма мало улучшила положение крестьян. Общинное землевладение, препятствуя обезземелению слабых элементов деревни, в то же время тормозило сильные, предприимчивые элементы; получалось равнение по худшим. Тем не менее из крестьянства понемногу выделялись более зажиточные единицы, шла перекупка земель у дворян (распродавших за время с 1861 г. по начало 90-х гг. свыше четверти оставленных им земель). Но этот процесс, вместе с некоторым повышением уровня сельскохозяйственной техники, только-только уравнивал быстрый прирост населения. Хлеба хватало на большее число ртов, но количество хлеба на каждого почти не увеличивалось. Неурожаи поэтому тяжело отражались на всем хозяйстве страны. Исключительное по своим размерам – для того времени – бедствие 1891 г. вызвало со стороны государства затрату около *полумиллиарда* рублей на помощь пострадавшим, предоставление льгот при уплате налогов, приостановку вывоза хлеба за границу и отсрочку намечавшейся валютной реформы. Рождаемость в Европейской России упала со средней нормы в 4,9 процента за последние годы до 4,5 в 1892 г., тогда как смертность поднялась с 3,4 процента до 4 процентов, и естественный прирост населения в 1892 г. достиг всего 600 000 человек – около трети обычного числа. При этом случаи непосредственной смерти от голода были редки, рост смертности был вызван ослаблением сопротивляемости против болезней.

Урожай зерновых хлебов давал около 2 миллиардов пудов в год для Европейской России. За границу вывозилось около одной пятой этого количества, и все-таки Россия была самым крупным поставщиком хлеба в Европе.

По количеству лошадей (26 миллионов в начале 90-х гг.) Россия занимала первое место в мире, и это было естественно, так как обработка полей производилась почти исключительно конской тягой. Рогатого скота числилось 33 миллиона голов; овец 64 миллиона. На окраинах имели реальное хозяйственное значение олени (на севере) и верблюды (в Средней Азии), и тех и других было по полмиллиона. Сравнительно слабо было распространено свиноводство (11 миллионов голов). Годовое потребление мяса определялось цифрой около 175 миллионов пудов.

Из побочных культур исстари славился русский лен. Больше чем половина всего льна в мире вырастала на русских полях. В западных губерниях голубые пространства льна чередовались с золотыми нивами. Быстро увеличивались посевы сахарной свеклы (в 1894 г. около 300 000 десятин).

Рыбная ловля, в отношении которой статистика весьма несовершенна, приносила ежегодно около 70 миллионов пудов рыбы.

Промышленность начинала развиваться быстрее. Число рабочих, занятых в ней, перевалило к 1894 г. за полтора миллиона. Стоимость выработанных товаров в том же году приближалась к 2 миллиардам рублей. На первом месте стояла текстильная промышленность, занимавшая более трети общего числа рабочих, в значительной мере удовлетворявшая потребности рынка, но – кроме льна – ввозившая свое сырье (хлопок, шерсть, шелк) преимущественно из-за границы. Развитие хлопководства подвигалось быстро вперед,⁵ но все же русский хлопок удовлетворял только 30 процентов общей потребности. Немногим менее трети рабочих приходилось на горное дело и металлургию. Старый горнозаводский центр, Урал, с его изумительным разнообразием всех видов полезных ископаемых, начинал отступать на второй план перед Донецким бассейном (уголь), Кривым Рогом (железная руда), Баку (нефть). Даже в отношении золота первенство перешло к Восточной Сибири (Ленские прииски), и только платина, естественная монополия которой принадлежала России, составляла по-прежнему привилегию Урала.

Уже существовали зачатки рабочего законодательства: запрещение ночного труда женщин и детей, ограничение труда малолетних, регулировка условий найма, меры предотвращения несчастных случаев и учреждение фабричной инспекции для контроля над выполнением законов об охране труда.

До 80-х гг. рабочие были настолько малочисленны, что им не придавалось особого значения как отдельной группе населения. К тому же многие рабочие сохраняли связь с деревней: фабрика служила своего рода «отхожим промыслом». Тем не менее вокруг некоторых крупных заводов начали образовываться слои «наследственных пролетариев». Быстрый рост промышленности к 1894 г. чрезвычайно повысил значение рабочих в общей экономике страны.

Казенное хозяйство играло большую роль в России. Больше половины всей земельной площади в империи принадлежало казне. Правда, в это входили все худшие земли: тундры, пустыни, болота, сибирская тайга. Земель удобных для обработки у казны в Европейской России почти не оставалось после освобождения государственных крестьян.⁶ Зато огромным богатством казны были лесные пространства Русского Севера и Сибири. Даже при очень малоинтенсивной разработке они давали государству ежегодно несколько десятков миллионов рублей. Государство имело также свои казенные заводы, но они не рассматривались как доходная статья: это были в первую очередь заводы военные.

Необыкновенное разнообразие русских условий, разница климата, почвы, племенного состава создавали необходимость неустанной работы для того, чтобы *держатъ вместе* Российскую империю. Первостепенное значение для этой цели имели пути сообщения. На них было

⁵ В 1883 г. в Средней Азии 500 десятин под хлопком, в 1895 г. – 220 000 десятин.

⁶ Доход от государственных земельных угодий достигал всего 14 миллионов рублей в год.

положено немало усилий. К концу 1894 г. в империи имелось 32 500 верст железных дорог, 150 000 верст телеграфных проводов, 45 000 верст судоходных рек (с 2000 речных пароходов) и 23 000 верст шоссе-ных дорог.

В 1891 г. начата была постройка длиннейшей во всем мире железнодорожной линии, Великого сибирского пути. Закладка пути на восточном его конце, во Владивостоке, была произведена наследником цесаревичем Николаем Александровичем при его возвращении из путешествия по Азии в мае 1891 г. Сооружение Сибирского пути, конечно, объяснялось не столько хозяйственными выгодами, сколько решимостью «ногою твердой стать» на Тихом океане, играть активную роль в судьбах Азии и Дальнего Востока в частности. Наследник был назначен председателем Комитета по сооружению дороги и живо интересовался этим начинанием.

Финансы России после пятнадцати лет мира оправились от потрясения войны 1877–1878 гг. Кредитный рубль держался в течение ряда лет на высоте двух третей своего номинального курса. Правительство, заключая заграничные займы в золоте и тратя внутри страны кредитные рубли, накапливало значительный золотой запас для проведения стабилизации рубля. Без повышения налоговых ставок поступление налогов значительно возросло. Пост министра финансов с 1892 г. занимал С. Ю. Витте.

Русское Министерство финансов того времени было не только бюджетным ведомством. Это было подлинное министерство народного хозяйства. Оно ведало торговыми договорами, промышленностью и торговлей, торговым судоходством и даже имело свои учебные заведения.

Около 1890 г. русский бюджет перевалил за миллиард рублей. В 1894 г. прямые налоги составляли менее 10 процентов доходной сметы, косвенные налоги – около 50 процентов (питейные сборы превышали половину этой суммы), доходы от казенных имуществ (железные дороги, леса) – около 15 процентов, крестьянские выкупные платежи за землю, доставшуюся им при освобождении, – около 8 процентов; остальное приходилось на гербовые сборы, почту и телеграф, погашение государственных ссуд и т. д. На душу населения бремя государственных расходов составляло в среднем менее 10 рублей – много ниже, чем в других великих державах. Конечно, при низком уровне благосостояния населения и эта сумма была ощутительной. Но все же утверждение социалистических «экономистов» того времени, вроде Николая-она⁷ (Даниельсона), писавшего, что казна берет у крестьян 90 процентов их дохода и что они от этого постепенно разоряются и распродают свой инвентарь, было безмерным преувеличением, фантастическим искажением действительности.

В мировом хозяйственном обороте Россия участвовала уже лет двести и завоевала себе прочное место на мировом рынке. Годовой оборот внешней торговли превышал за последние десять лет миллиард рублей (только в 1892 г., вследствие запрещения вывоза хлеба, он спустился до 880 миллионов рублей) и давал России ежегодный актив от 150 до 200 миллионов рублей. Лучшим клиентом России в то время была Англия, почти наравне с ней шла Германия. Сношения с этими двумя государствами составляли половину всего оборота русской внешней торговли. Франция, находившаяся на третьем месте, давала только 7 процентов оборота. Русский торговый баланс был активным в сношениях со всеми странами, за исключением Соединенных Штатов и Египта (откуда ввозился хлопок) и Китая (чай). На первом месте в русском вывозе был хлеб (более половины), затем лен, лес (нефть – на шестом месте), во ввозе – хлопок, металлы, машины, чай, шерсть.

Оборот судов в русских портах достигал около 10 миллионов тонн. За границу в 1894 г. выехало (если исключить пограничное общение) 313 000 человек (из них около трети русских подданных), а въехало в Россию 300 000 (русских – менее трети). Перевес эмиграции (главным образом в Соединенные Штаты) над возвращением составлял для русских подданных в сред-

⁷ Николай-он – литературное имя одного из крупных русских экономистов Николая Францевича Даниельсона.

нем около 40 000 человек в год. Весьма значительную часть этой эмиграции составляли евреи, из района черты оседлости уезжавшие в Америку (в эту черту входило царство Польское и 15 западных губерний Белоруссии, Малороссии и Новороссии).

Если часть русского общества только старалась доказать, что крестьянство разоряется и идет к гибели, другая часть интеллигенции, исходя из такого же враждебного отношения к существующему строю, доказывала неизбежность экономического перерождения России по примеру западных стран, а некоторые даже приветствовали такую эволюцию как шаг вперед.

«Вся современная духовная и материальная культура тесно связана с капитализмом, — писал молодой экономист П. Б. Струве в своей первой книге, вышедшей легально в 1894 г. — Она выросла вместе с ним и на его почве. Мы же, ослепленные каким-то непомерным тщеславием, мним заменить трудную культурную работу целых поколений, суровую борьбу экономических сил и интересов настроениями нашей собственной «критической мысли», которая открыла трогательное совпадение народно-бытовых форм с собственными своими идеалами... Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму».

* * *

Конечно, много было недочетов в русском народном хозяйстве, и западные государства с их маленькой площадью и густым населением значительно опередили Россию в количественном отношении по части развития техники.

Но не в хозяйственных недочетах и не в технической отсталости была заложена главная угроза Российскому государству! Корень зла был в глубокой розни между властью и значительной частью образованного общества. Русская интеллигенция относилась к власти с определенной враждебностью, которая порой принимала более откровенные формы, порой загонялась вглубь, с тем чтобы снова проявиться с удвоенной силой.

В первой половине XIX в. лучшие русские писатели еще понимали значение царской власти. Пушкин, Гоголь, Жуковский, не говоря уже о Карамзине, оставили немало страниц, ярко о том свидетельствующих. Но русская интеллигенция уже и тогда была не с ними. Белинский, гневным обличением отвечающий на «Переписку с друзьями», для нее гораздо типичнее самого Гоголя. Среди писаний Пушкина замалчивались произведения его зрелого возраста, где он говорил об императоре Николае I, и списывались и распространялись его юношеские выпады против власти.

Восстание декабристов внесло этот раскол на самые верхи общества, подорвало доверие царя к военному дворянству и этим увеличило значение зависящего от власти служилого сословия.

Эпоха Великих реформ сперва кое-что улучшила в этом отношении; она открыла новые поприща для работы: суды, земства, посредническую деятельность в деревне. Но крайние течения быстро отравили и тут сотрудничество между интеллигенцией и властью. Реформы только вызывали требования дальнейших реформ; новые возможности действия использовались для пропаганды против правительства. Через пять лет после освобождения крестьян уже произошло первое покушение на царя-освободителя.

И опять-таки: лучшие писатели того времени были скорее с властью, чем с интеллигенцией. Граф Л. Н. Толстой до конца 70-х гг. печатался в «Русском вестнике» Каткова. Достоевский, в молодости примкнувший к социалистическому кружку и за это жестоко пострадавший, в «Бесах» с непревзойденной яркостью изобразил дух русской революции и в «Дневнике писателя» отстаивал значение царской власти для России. К консервативному лагерю принадлежали и Фет, и Тютчев, и Майков, и по существу даже граф А. К. Толстой («двух станов не боец, а только гость случайный»). Определенным противником интеллигентского радикализма был Лесков. Писемский во «Взбаламученном море» дал неприглядный очерк «шестидесятников»;

и даже западник Тургенев в «Отцах и детях», «Дыме» и «Нови» изобразил так называемых «нигилистов» в малопривлекательном свете...

Но тон задавали не они! «Властителями дум» были радикальные критики, проповедники материализма, непримиримые обличители существующего. Уже раздавались требования не только политических, но и коренных социальных преобразований, как будто отмена крепостного права не была сама по себе огромной социальной реформой. Интеллигенция перенимала от Запада непременно самые крайние учения. Началось «хождение в народ» с целью распространения этих учений в крестьянской среде, с надеждой на революцию по образцам Пугачева и «атамана Степана», как называли Стеньку Разина в модном тогда романсе «Утес».

Народная масса тогда не поддавалась на эти увещания и посулы; она встретила с недоверием чуждых ей людей; хождение в народ окончилось полным провалом, и тогда возникла партизанская вооруженная атака на власть, руководившаяся пресловутой партией «Народной воли».

Восполняя дерзостью и предприимчивостью недостаток своей численности, революционеры в течение нескольких лет сумели создать гипноз мощного движения против власти; они смутили правителей, они производили впечатление за границей. Жизнь царя-освободителя подвергалась ежечасной угрозе: то взрывали рельсы перед царским поездом, то даже покои Зимнего дворца. Александр II решил попытаться привлечь на сторону власти колеблющиеся образованные слои, с известным злорадством наблюдавшие за борьбой между правительством и «нигилистами», но не успел принять никаких реальных мер в этом направлении: 1 марта 1881 г. свершилось цареубийство.

Страшная весть всколыхнула Россию, многих отрезвила, создала пустоту вокруг деятелей «Народной воли». Император Александр III, считавший положение крайне опасным, тем не менее решил дать врагам мужественный отпор – и вдруг натиск «нигилистов» рассеялся, как наваждение.

Но произошли ли за царствование императора Александра III действительные перемены в настроениях образованных классов? Интеллигенция притихла, смолкла, враждебность исчезла с поверхности, но тем не менее она осталась. Все меры царствования встречали глухую, по внешности сдержанную, но непримиримую критику. Болезнь оказалась только загнанной вглубь.

Грозная черта этих лет: новые писатели уже не отделялись от интеллигенции в своем отношении к существующему строю. Те из них, которым было душно в радикальной казарме, просто уходили в область чистого искусства, оставаясь в стороне от общественной жизни. Из учений графа Л. Н. Толстого, резко изменившегося за эти годы, его «непротивление злу» и рационалистическое христианство пользовались гораздо меньшим успехом, чем его отрицание всего современного государства.

Пассивное сопротивление интеллигенции создавало для власти большие затруднения, особенно в области народного образования. Студенчество, несмотря на ряд новых законов, вводивших университетскую жизнь в строгие рамки (ношение формы, обязательное посещение лекций и т. д.), или отчасти благодаря этим законам оставалось рассадником революционных течений. Власть поэтому питала недоверие к высшим учебным заведениям; некоторые из них, как женские медицинские курсы, были закрыты; на Санкт-Петербургские Высшие женские курсы на три года был запрещен прием. Правительству приходилось лавировать между Сциллой отсталости в учении и Харибдой взращивания своих врагов. Насколько велика была нетерпимость этих врагов, показывает характерный случай: профессор В. О. Ключевский, известный историк, пользовавшийся огромной популярностью в студенчестве, вызвал с его стороны враждебные выходки своей (приведенной выше) речью памяти императора Александра III и нескоро вернул себе былой престиж. Сделать так, чтобы увеличить число школ, не создавая в деревне очагов противоправительственной пропаганды, было при таких условиях

весьма нелегко. Строить и совершенствовать огромное государство при враждебном отношении значительной части образованных слоев было задачей исключительной трудности!

Попытки увеличить удельный вес дворянства в государстве, создание Дворянского банка, учреждение земских начальников были вызваны потребностью в некоем правящем слое, из которого можно было бы пополнить ряды носителей власти. Но К. Н. Леонтьев еще в 70-х гг. писал: «Молодость наша, говорю я с горьким чувством, сомнительна».

«Мы прожили много, сотворили духом мало и стоим у какого-то страшного предела...

На Западе вообще бури и взрывы были громче, величавее; Запад имеет более плутонический характер; но какая-то особенная, более мирная или глубокая подвижность всей почвы и всего строя у нас в России стоит западных громов и взрывов.

Дух *охранения* на Западе был сильнее в высших слоях общества, и потому и взрывы были сильнее; у нас *дух охранения* слаб. Наше общество вообще расположено идти по течению за другими... Кто знает? Не быстрее ли других? Дай Бог, чтобы я ошибался!»

Глава 2

Личность государя. – Взгляды К. П. Победоносцева на современную государственность. Похороны императора Александра III. – Первые приемы министров. – Бракосочетание государя. – Земские адреса и речь государя 17 января 1895 г. – Выступление трех держав против Симоносекского мира. – Тенденция к примирению Франции с Германией. – Забота о просвещении. – Отзыв Британской энциклопедии

Государя императора Николая Александровича мало знали в России ко времени его восшествия на престол. Мощная фигура императора Александра III как бы заслоняла наследника-цесаревича от глаз внешнего мира. Конечно, все знали, что ему 26 лет, что по своему росту и сложению он скорее в свою мать, императрицу Марию Феодоровну; что он имеет чин полковника русской армии, что он совершил необычное по тому времени путешествие вокруг Азии и подвергся в Японии покушению азиатского фанатика. Знали также, что он помолвлен с принцессой Алисой Гессенской, внучкой королевы Виктории, что его невеста прибыла в Ливадию перед самой кончиной императора Александра III. Но облик нового монарха оставался обществу неясным.

Наследник цесаревич также состоял председателем Комитета по сооружению Великого сибирского пути, возглавлял Комитет по борьбе с голодом 1891–1892 гг., заседал в Государственном совете, но эта сторона его деятельности не привлекала до того времени особого внимания.

«Редко народ имел при восхождении на престол его монарха такое неясное представление о его личности и свойствах характера, как русский народ в наши дни, – докладывал своему правительству германский поверенный в делах граф Рекс. – Данные, по которым можно судить о его свойствах и воззрениях, чрезвычайно скудны. По личному впечатлению и на основании суждения высокопоставленных лиц русского двора я считаю императора Николая человеком духовно одаренным, благородного образа мыслей, осмотрительным и тактичным; его манеры настолько скромны и он так мало проявляет внешней решимости, что легко прийти к выводу об отсутствии у него сильной воли, но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определенная воля, которую он умеет приводить в жизнь самым спокойным образом».

Государь император Николай II родился 6 мая 1868 г. – в день святого Иова Многоглагольного, как он сам иногда любил отмечать. Старший сын наследника престола, он с детства был «обручен царству», и это наложило особый отпечаток на все его воспитание. Образование он получил весьма тщательное. С детства его обучали иностранным языкам, которыми он овладел в совершенстве. После общеобразовательного курса, пройденного под общим руководством генерала Данилевича, наследник получил высшее юридическое и высшее военное образование, причем его преподавателями были выдающиеся профессора высших учебных заведений: К. П. Победоносцев, Н. Х. Бунге, М. Н. Капустин, Е. Е. Замысловский, генерал Г. А. Леер и М. И. Драгомиров. По окончании теоретической подготовки наследник ознакомился с практикой военного дела, состоя в рядах лейб-гвардии Преображенского полка и лейб-гвардии Конной артиллерии и два лета проведя в составе лейб-гвардии Гусарского полка, и начал приобщаться к государственным делам, председательствуя в комитетах, заседа в Государственном совете и Комитете министров.

Эта тщательная и планомерная подготовка к исполнению обязанностей монарха не была доведена до конца вследствие ранней смерти императора Александра III, который не думал, что ему не суждено дожить и до 50 лет. Наследник еще не был введен в курс высших государственных дел; многое ему пришлось уже после восшествия на престол узнать из доклада своих министров.

Но характер государя и его мировоззрение, конечно, определились еще до восшествия на престол; только их почти никто не знал. Общение с молодым царем оказалось для многих неожиданным откровением.

Вера в Бога и в свой долг царского служения были основой всех взглядов императора Николая II. Он считал, что ответственность за судьбы России лежит на нем, что он отвечает за них перед престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут ему мешать, но ответ за Россию перед Богом лежит на нем. Из этого вытекало и отношение к ограничению власти – которое он считал переложением ответственности на других, не призванных, и к отдельным министрам, претендовавшим, по его мнению, на слишком большое влияние в государстве. «Они напортят – а отвечать мне» – таково было в упрощенной форме рассуждение государя.

Император Николай II обладал живым умом, быстро схватывавшим существо докладываемых ему вопросов, – все, кто имел с ним деловое общение, в один голос об этом свидетельствуют. У него была исключительная память, в частности на лица. Государь имел также упорную и неутомимую волю в осуществлении своих планов. Он не забывал их, постоянно к ним возвращался и зачастую в конце концов добивался своего.

Иное мнение было широко распространено потому, что у государя поверх железной руки была бархатная перчатка. Воля его была подобна не громовому удару, она проявлялась не взрывами и не бурными столкновениями; она скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана: он огибает препятствия, отклоняется в сторону, но в конце концов с неизменным постоянством близится к своей цели.

Министры, с которыми государю довелось расстаться, зачастую говорили, что на него «нельзя положиться». Но что это значило? В проведении планов, одобренных им *по существу*, государь, по свидетельству тех же министров, например Витте, умел проявлять спокойную стойкость при самой неблагоприятной обстановке. Только в отношении своей личной карьеры министры действительно не могли «положиться» на государя: он всегда ставил дело выше лиц, а при несогласии с действиями своих министров отстранял их, независимо от их прошлых заслуг. При этом он старался «позолотить пилюлю»: отставка обычно сопровождалась внешними знаками милости и назначением высоких пенсий. Он также не любил – и это, быть может, являлось некоторым недостатком – говорить другим неприятные для них вещи *прямо в лицо*, особенно если речь шла о людях, с которыми он долго сотрудничал, которым был благодарен за многое в прошлом. Но это был вопрос формы, а не существо дела; тут не было «коварства», как утверждали его враги. Коварство предполагает умысел, расчет; а какая выгода могла для царя быть в том, что министр после милостивого приема узнает вечером о своей отставке из высочайшего рескрипта? Милостивый прием только подчеркивал отсутствие *личного* нерасположения, а отставка свидетельствовала о *деловом* расхождении.

До восшествия на престол император Николай II имел только один серьезный случай показать свою волю. Русский государственный строй не допускал проявления политических разногласий в царской семье; не могло случиться при императоре Александре III, чтобы наследник публично рукоплескал речи, направленной против правительства его отца (как это делал германский кронпринц в рейхстаге в 1911 г.). Свою волю наследник-цесаревич проявил только в вопросе, лично его касавшемся. Он в ранней молодости полюбил маленькую принцессу Алису Гессенскую, младшую сестру великой княгини Елизаветы Феодоровны, супруги его дяди, и в течение десяти лет неизменно сохранял о ней память. Император Александр III, императрица Мария Феодоровна были против этого брака. Они не хотели женитьбы на немецкой принцессе; возникали предположения о браке русского наследника с принцессой Еленой Орлеанской из семьи претендента на французский престол. Но наследник с тихим упорством отклонял эти планы и хранил в душе образ принцессы Алисы. В конце концов родители уступили, и весной 1894 г. наконец состоялась помолвка.

В этой борьбе, длившейся несколько лет, наследник оказался сильнее.

Император Николай II – это признают и его враги – обладал совершенно исключительным личным обаянием. Он не любил торжеств, громких речей; этикет ему был в тягость. Ему было не по душе все показное, искусственное, всякая широковещательная реклама (это также могло почитаться некоторым недостатком в наш век!). В тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз, он зато умел обворожить своих собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещаемой им мастерской. Его большие серые лучистые глаза дополняли речь, глядели прямо в душу. Эти природные данные еще более подчеркивались тщательным воспитанием. «Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император Николай II», – писал граф Витте уже в ту пору, когда он по существу являлся личным врагом государя...

* * *

Самодержавные монархи редко имеют время излагать свои воззрения в пространных писаниях, Екатерина II была в этом отношении исключением. Ни Людовик XIV, ни Мария-Терезия этим не занимались, от Петра Великого в этом отношении дошло только несколько крылатых фраз. Монархи действуют на основе своего мировоззрения; они проповедуют действием, предоставляя другим теоретическое обоснование этих действий.

Не будет, однако, далеким от истины утверждение, что основные мысли «Московского сборника» К. П. Победоносцева, изданного в самом начале нового царствования (в 1896 г.), были тождественны с исходными взглядами царя; и в этом отношении права была французская газета, следующими словами рекомендовавшая своим читателям французский перевод «Московского сборника»: «Книгу эту надо прочесть, во-первых, потому, что г. Победоносцев думает глубоко, во-вторых, потому, что он думает иначе, чем мы, и, в-третьих, потому что император Николай II и его народ думают, как он».

Теперь, через сорок лет, своеобразно злободневными кажутся многие положения этой примечательной книги.

Необходимо хотя бы вкратце на них остановиться, чтобы понять многое в царствовании императора Николая II.

Многие говорили и тогда: Россия *не созрела* для демократии, Россия *не созрела* для социализма, Россия *не созрела* для той или другой из реформ, диктуемых современным пониманием прогресса. Но те, кто стоял во главе Российской империи в 1894 г., вовсе не считали, что политические формы, воспреобладавшие на Западе, были шагом вперед, свидетельством большей зрелости. Они относились к ним критически *по существу*.

Парламентское правление – «*великая ложь нашего времени*», писал К. П. Победоносцев. «История свидетельствует, что самые существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокой идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация в массе избирателей».

В парламентарных государствах царит фактическая безответственность и законодательной, и исполнительной власти. «Ошибки, злоупотребления, произвольные действия – ежедневное явление в министерском управлении, а часто ли мы слышим о серьезной ответственности министра? Разве, может быть, раз в пятьдесят лет приходится слышать, что над министром суд, и всего чаще результат суда выходит ничтожный сравнительно с шумом торжественного производства». (Слова эти, быть может навеянные Панамским скандалом, не менее были бы приложимы ко многим современным случаям.)

Зло парламентского правления К. П. Победоносцев видит в том, что на выборах получается не отбор лучших, а только «наиболее честолюбивых и нахальных». Особенно опасна

избирательная борьба в государствах многоплеменных: «Монархия неограниченная успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы – и не одною только силой, а уравниванием прав и отношений под одной властью. Но демократия не может с ними справиться, а инстинкты национализма служат для нее разъедающим элементом: каждое племя из своей местности высылает представителей – не государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти – и к господствующему племени, и к другим племенам, и к связующему все части государства учреждению». В виде примера приводится австрийский парламент.

«Вместо неограниченной власти монарха мы получаем неограниченную власть парламента, с тою разницей, что в лице монарха можно представить себе единство разумной воли, а в парламенте нет его, ибо здесь все зависит от случайности, так как воля парламента определяется большинством... Такое состояние неотразимо ведет к анархии, от которой общество спасается одною лишь диктатурою, то есть восстановлением единой воли и единой власти в правлении».

Там, где парламентская машина издавна действует, ослабевает вера в нее; еще славит ее либеральная интеллигенция, но народ стонет под игом этой машины и распознает скрытую в ней ложь. *Едва ли дождемся мы – но дети наши и внуки, несомненно, дождутся свержения этого идола*, которому современный разум продолжает еще в самообольщении поклоняться.

Еще более резкой и едкой критике К. П. Победоносцев подвергает периодическую печать:

«Кто же эти представители страшной власти, именующей себя общественным мнением? Кто дал им право и полномочие – во имя целого общества – править, ниспровергать существующие учреждения, выставлять новые идеалы нравственного и положительного закона?»

Любой уличный проходимец, любой болтун из непризнанных гениев, любой искатель гешефта может, имея свои или достав для наживы и спекуляции чужие деньги, основать газету, хотя бы большую. Ежедневный опыт показывает, что тот же рынок привлекает за деньги какие угодно таланты, если они есть на рынке, – и таланты пишут что угодно редактору. Опыт показывает, что самые ничтожные люди – какой-нибудь бывший ростовщик, газетный разносчик, участник банды червонных валетов – могут основать газету, привлечь талантливых сотрудников и пустить свое издание на рынок в качестве органа общественного мнения...»

И опять-таки как в парламенте, так и в печати царит та же безответственность: «Мало ли было легкомысленных и бессовестных журналистов, по милости коих подготовлялись революции, закипало раздражение до ненависти между сословиями и народами, переходившее в опустошительную войну? Иной монарх за действия этого рода потерял бы престол свой; министр подвергся бы позору, уголовному преследованию и суду; но журналист выходит сух из воды, изо всей заведенной им смуты, изо всякого погрома и общественного бедствия, коего был причиной; выходит, с торжеством улыбаясь и бодро принимаясь снова за свою разрушительную работу».

Понятие прогресса, требование неустанных преобразований вызывает следующую отповедь:

«Есть в человечестве сила, земляная сила инерции, имеющая великое значение. Ею, как судно балластом, держится человечество в судьбах своей истории – и сила эта столь необходима, что без нее поступательное движение вперед становится невыносимым. Сила эта, которую близорукие мыслители новой школы безразлично смешивают с невежеством и глупостью, безусловно необходима для благосостояния общества. Разрушить ее – значило бы лишить общество той *устойчивости*, без которой негде найти и точку опоры для дальнейшего движения. В пренебрежении или забвении этой силы – вот в чем главный порок новейшего прогресса.

Общая и господствующая болезнь у всех так называемых государственных людей – честолюбие или желание прославиться. Жизнь течет в наше время с непомерной быстротой, государственные деятели часто меняются, и потому каждый, покуда у места, горит нетерпением

прославиться поскорее, пока еще есть время и пока в руках кормило. И всякому хочется переделать все свое дело заново, поставить его на новом основании... Нравится именно высший прием творчества – *творить из ничего*, и возбужденное воображение подсказывает на все возражения известные ответы: «учреждение само поддержит себя, учреждение создаст людей, люди явятся» и т. п.» (с. 117).

«Слово *преобразование* так часто повторяется в наше время, что его уже привыкли смешивать со словом *улучшение*... Кредитом пользуется с первого слова тот, кто выставляет себя представителем новых начал, поборником преобразования и ходит с чертежами в руках для возведения новых зданий. Поприще государственной деятельности наполняется все *архитекторами*, и всякий, кто хочет быть работником, или хозяином, или жильцом, – должен выставить себя архитектором... Мудрено ли, что лучшие деятели отходят, или, что еще хуже и что слишком часто случается, – не покидая места, становятся равнодушными к делу и стерегут только вид его и форму, ради своего прибытка и благосостояния... Вот каковы бывают плоды преобразовательной горячки, когда она свыше меры длится... «Не расширяй судьбы своей! – было вещание древнего оракула. – Не стремись брать на себя больше, чем на тебя положено». Какое мудрое слово! Вся мудрость жизни – в сосредоточении силы и мысли, все зло – в ее рассеянии». Эти слова, отчасти отражающие критическое отношение К. П. Победоносцева к эпохе Александра II, должны были служить в то же время предостережением современным ему государственным людям.

«Московский сборник» касается также вопроса о народном образовании; дело не так просто, говорится в нем, не всякое механическое накопление знаний можно считать благом.

«Нет спора, что ученье свет, а неученье тема, но в применении этого правила необходимо знать меру и руководствоваться здравым смыслом... Сколько наделало вреда смешение понятия о *знании* с понятием об *умении*. Увлечшись мечтательной задачей всеобщего просвещения, мы называли просвещением известную сумму знаний... Мы забыли или не хотели сознать, что масса детей, которых мы просвещаем, должна жить насущным хлебом, для приобретения коего требуется не сумма голых знаний, а умение делать известное дело...

Понятие о народной школе есть истинное понятие, но, к несчастью, его перемудрили повсюду новой школой. По народному понятию, школа учит читать, писать и считать; но в нераздельной связи с этим учит знать Бога и любить Его и бояться, любить Отечество, почитать родителей».

В более заостренной форме другой русский мыслитель писал о том же: «Настроить школ и посадить в них учителями озлобленных невежд значит дать камень вместо хлеба».

Все эти мысли были с молодости хорошо знакомы и близки государю. Они вошли составной частью в его мировоззрение. Государь в то же время глубоко верил, что для стомиллионного русского народа царская власть по-прежнему остается священной. Представление о добром народе, противопоставляемом враждебной интеллигенции, жило в нем всегда. Он был также верным и преданным сыном православной церкви. Он верил в величие России и, в частности, придавал большое значение ее роли в Азии.

Но он также ощущал, что живет в сложную эпоху; он чувствовал, что нарастающего во всем мире зла не победить простым его отрицанием. Было верно, что государь был учеником К. П. Победоносцева; но также не без основания писал на втором месяце его царствования германский дипломат граф Рекс: «По-моему, эра Победоносцева миновала, хотя он, вероятно, и останется на своем посту». («В первые годы меня изредка спрашивали... А затем меня уже и не спрашивали», – отмечает через десять лет К. П. Победоносцев.)⁸ «Московский сборник» был исходной точкой, но не «законом и пророками» для императора Николая II.

⁸ В письмах к С. Ю. Витте от 24 марта 1905 г.

Скажут, может быть, что это только догадки? Они подтверждаются всем ходом его царствования. Более прямых доказательств этому нет, так как государь с молодости отличался большой замкнутостью, мало кому доверял даже малую долю своих планов, своих задушевных дум. Разве только императрица Александра Феодоровна действительно знала государя до конца.

Император Александр III скончался в Крыму, и переведение его праха в столицу, похоронные торжества, вплоть до водворения гроба в усыпальнице Петропавловского собора, заслонили дней на десять все остальное. Улицы Санкт-Петербурга были убраны траурными, черными с белым флагами. Огромные толпы провожали в могилу безвременно скончавшегося царя.

Только в первых числах ноября министры впервые явились со своими докладами к новому монарху. Они должны были, одновременно с разрешением очередных вопросов, посвящать его в общий ход государственной машины. И тут выяснилось, что государь был в курсе всех существенных дел, кроме наиболее секретных вопросов внешней политики. Он задавал Вите вопросы, свидетельствующие о том, что и в бытность наследником он ко всему внимательно присматривался.

Министр иностранных дел Н. К. Гирс – который, как свидетельствует в своем дневнике Ламздорф, «был в восторге от Его Величества» – один сообщил ему существенную новость: о весьма далеко зашедшем секретном соглашении с Францией. Государь тут же почувствовал, что в этом сближении таятся не только выгоды, но и угрозы в будущем: если оно уменьшает опасность в случае войны с Германией, оно в то же время увеличивает шансы такой войны, создавая новые плоскости трения. Он сознавал, что только превращение франко-русского союза в соглашение великих держав Европейского материка может действительно обеспечить мир в Европе и поддержание мирового первенства христианских европейских государств.

В первой циркулярной депеше, разосланной министерством 28 октября 1894 г., говорилось: «Россия пребудет неизменно верна своим преданиям: она приложит старания к поддержанию дружественных отношений ко всем державам и по-прежнему в уважении к праву и законному порядку будет видеть верный залог безопасности государства».

Но этими заверениями дело не ограничилось. Когда через два-три месяца был поднят вопрос об участии всех держав в торжественном открытии Кильского канала, государь заявил заведующему Министерством иностранных дел: «Весьма жаль, если Франция не примет участия. Мне кажется, что французы напрасно затрудняются ответом. Раз все державы приглашены, участие Франции необходимо наряду с ними».

«Какое нам, в сущности, до этого дело», – заносит по этому поводу в свой дневник граф Ламздорф. Но государь считал, что России весьма большое дело до предотвращения новой войны в Европе...

Первым событием царствования было бракосочетание императора с принцессой Алисой Гессенской, имевшее место 14 ноября. Ввиду траура свадебные торжества носили скромный характер. При проезде царской четы из Зимнего в Аничков дворец государь распорядился убрать с улиц шпалеры войск на пути их следования, и народ, толпившийся на улице, теснился вокруг царских саней, впервые после долгого времени видя вблизи своего государя. «Это был красивый и смелый жест», – писал *Journal des Debats*, отмечавший, что новый монарх вообще свободнее показывается народу, нежели Александр III, живший под впечатлением трагической кончины своего отца.

Принцесса Алиса Гессенская, которая стала русской императрицей через три недели по воцелении государя на престол, была за всю жизнь лучшим другом и верной спутницей императора Николая II и в светлые, и в темные дни. Брак их был исключительно дружным и счастливым, и семейная жизнь государя омрачалась порою только болезнями детей. Государыня,

всецело разделявшая мировоззрение своего супруга, мало касалась государственных дел до последних тяжелых годов его царствования.

Император Николай II глубоко уважал своего отца и не стал на первых порах менять его сотрудников. Он расставался с ними только постепенно, по мере возникновения деловых расхождений. В первые недели, еще в 1894 г., произошли только две существенные перемены на верхах: был уволен генерал И. В. Гурко с поста генерал-губернатора царства Польского и смещен министр путей сообщения Кривошеин.⁹ Если верить Витте, отставка генерала Гурко объяснялась тем, что он поставил перед государем «министерский вопрос»: исполните то, что я прошу, или увольте меня в отставку. Верно ли это в данном случае, проверить трудно, но несомненно, что государь не любил такого прямого давления; он считал, что министры (и высшие чины государства) не имеют права «ставить монарху ультиматумы». Увольнение министра путей сообщения произошло из-за того, что создалось впечатление, будто он пользуется своим служебным положением для личного обогащения. Хотя он при этом не делал ничего противозаконного в точном смысле слова, государь счел, что и недостаток осторожности в денежных делах недопустим для царского министра.¹⁰

Увольнение генерала Гурко, совпавшее с милостивым приемом делегации польского дворянства, тотчас же породило толки об ослаблении «русификаторских» тенденций. В Варшаве это вызвало нескрываемую радость. Никакой принципиальной и резкой перемены курса при этом, однако, не было.

* * *

В русском обществе восшествие на престол нового государя породило прежде всего смутную надежду на перемены. В русской печати стали помещаться приветственные статьи по адресу молодой императрицы, в которых мимоходом высказывалось предположение, что она внесет и в русскую жизнь те начала, среди которых была воспитана. Интеллигенция считала преимущества западных государственных форм совершенно бесспорными и очевидными и была уверена, что жить при парламентарном строе – значит ценить его и любить...

На некоторых земских и дворянских собраниях звучали речи, смолкшие в царствование императора Александра III.

Требование народного представительства, которое в эпоху императора Александра II именовалось «увенчанием здания», выдвигалось снова.

И не только раздавались отдельные речи; были приняты всеподданнейшие адреса, выдвигавшие это требование в осторожных выражениях. Более радикальные земские элементы пошли рука об руку с умеренными, чтобы добиться возможно большего единодушия. Земские собрания выступали как бы ходатаями от значительного большинства русского общества. Конечно, тот шаг, о котором говорилось в земских адресах, казался ничтожным большинству интеллигенции. Ведь ее не удовлетворяли и западные конституции – достаточно для этого приглядеться к изображению иностранной жизни в русских оппозиционных газетах и толстых журналах. Но лиха беда начать; рассчитывали, что после первого шага быстро последуют дальнейшие.

---

⁹ Не смешивать с известным министром земледелия во вторую половину царствования!

¹⁰ Генерал И. В. Гурко, хорошо знакомый с условиями увольнения министра путей сообщения, в своих замечаниях к рукописи этой книги дал следующие сведения. Возможно, в коротких словах, дело было так: заняв пост министра, он по недостатку времени заниматься имением жены передал его заведование своему шуруну А. П. Струкову; без ведома последнего старший управитель имения взял с торгов подряд на поставку шпал для строящейся и проходившей через названное имение Бологое Седлецкой железной дороги. Недовольные конкуренты, предлагавшие, однако, менее для казны выгодные условия, в несколько извращенном виде сообщили об этом в газеты либерального направления. Кривошеин узнал обо всем этом из газет.

Император Николай II был, таким образом, поставлен в необходимость публично исповедовать свое политическое мировоззрение. Если бы он ответил общими, неопределенными приветственными словами на пожелание о привлечении выборных земских людей к обсуждению государственных дел, это было бы тотчас истолковано как *согласие*. После этого либо пришлось бы приступить к политическим преобразованиям, которых государь не желал, либо общество с известным основанием сочло бы себя обманутым.

Говорить «нет» в ответ на верноподданнические адреса всегда нелегко. Если бы та внешняя черта характера государя, которая так раздражала министров, – неопределенный ответ, за которым следует заочный отказ, – была действительно его непреодолимым свойством, он, вероятно, ответил бы и тут общими местами на адреса с конституционными пожеланиями. Но государь не захотел вводить общество в заблуждение. Как ни оценивать отказ по существу, прямое заявление о нем было со стороны монарха только актом политической честности.

В своей речи 17 января 1895 г. к земским депутациям государь сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный родитель».

Слова «*беспочвенные мечтания*» (которые, как утверждают, имелись в первоначальном тексте речи) лучше выражали мысль царя, и оговорка была, конечно, досадной; но дело было не в форме, а в существе. Как из манифеста 29 апреля 1881 г. Россия узнала, что преемник умерщвленного монарха решил твердо оберегать самодержавную власть, так из этой речи молодого государя сразу стало известно, что он в этом вопросе не намерен отступать от пути своего отца.

Среди разноречивого хора иностранной печати выделяется передовая статья влиятельнейшей английской газеты Times.¹¹ «О русских учреждениях не следует судить с западной точки зрения, и было бы ничем иным, как дерзостью, осуждать их за несоответствие идеям, возникшим из совершенно иных обстоятельств и из совершенно несходной истории. Судя по всем обычным признакам национального преуспеяния, самодержавная власть царя весьма подходит России; и не иностранцам, во всяком случае, подобает утверждать, что ей лучше подошло бы что-нибудь другое. Тот образ правления, о котором только что царь высказал свою решимость сохранить его, может, во всяком случае, развернуть историю таких достижений в государственном строительстве, с которыми его соперники не могут и претендовать сравняться. В России, во всяком случае, он должен быть в настоящее время признан как основоположный факт».

Русское образованное общество, в своем большинстве, приняло эту речь как вызов себе. Русская печать из-за цензуры, конечно, не могла этого явно выразить. Характерны, однако, для этой эпохи «внутренние обозрения» толстых журналов. «Северный вестник» (от 1 февраля того же года) в оглавлении отмечает на первом месте речь государя к земским делегациям, затем ряд мелких событий. В тексте приведена речь государя: ни слова комментария; обозрение прямо переходит к очередным мелочам. «*Цензурного* сказать нечего», – ясно говорила редакция читателям...

В то время как умеренно либеральная «Русская мысль» огорченно умалчивала об этой речи, социалистическое «Русское богатство» писало с явным злорадством: «С неопределенностью в душе, с тревогами, опасениями и надеждами встретило наше общество 1845 год. Первый же месяц нового года принес разрешение всех этих неопределенностей. Высочайшая речь 17 января... была этим историческим событием, положившим конец всякой неопределенно-

¹¹ 30 (18).I.1895.

сти и всем сомнениям. Царствование императора Николая Александровича начинается в виде прямого продолжения прошлого царствования».¹²

По поводу этой речи 17 января тотчас же стали слагаться легенды. Ее решительное содержание мало соответствовало общим представлениям о государе. Поэтому начали утверждать, что эта речь ему кем-то продиктована. Начали искать, «кто за этим скрывается». Гадали на Победоносцева, на министра внутренних дел И. Н. Дурново.

Германский посол фон Вердер отмечает, со своей стороны, (15 (3) февраля). «В начале царствования им (императором) увлекались, превозносили все его действия и его речи до небес. Как теперь все изменилось! Начало перемене положила неожиданно резкая речь императора к депутациям. Она составлена была не министром Дурново, как сначала думали; тот узнал только от военного министра, что император хочет говорить. Император собственноручно написал эту речь и положил ее в свою фуражку. По всей России она резко критикуется».

Речь 17 января рассеяла надежды интеллигенции на возможность конституционных преобразований сверху. В этом отношении она послужила исходной точкой для нового роста революционной агитации, на которую снова стали находить средства.

На четвертом месяце нового царствования скончался министр иностранных дел Н. К. Тирс. Вокруг освободившегося поста началась закулисная борьба, сторонники тесного союза с Францией боялись перемен. Государь назначил министром князя Лобанова-Ростовского, русского посла в Вене, только что назначенного в Берлин. Человек уже немолодой, новый министр был представителем старой аристократической культуры, знатоком-любителем старинных книг. Наиболее горячие сторонники союза с Францией при дворе отнеслись без сочувствия к этому назначению.

Положение на Дальнем Востоке к тому времени сильно осложнилось. Япония после зимней задержки военных операций разгромила остатки китайского флота у Вей-Ха-Вей, заняла Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Южную Маньчжурию. Весною она легко могла захватить Пекин. Китай вынужден был просить мира.

Для России, для других европейских государств факт быстрого усиления Японии свидетельствовал о пробуждении азиатских народов. «Недвижный Китай» и еще более слабая Корея были, конечно, много более приятными соседями, чем возродившаяся воинственная Японская империя, усвоившая в совершенстве западную военную технику. Поэтому Россия взяла на себя инициативу попытки противопоставить японским завоеваниям единый фронт европейских держав. На участие Англии рассчитывали мало, и она действительно тотчас же отказалась от предложенного вмешательства в японо-китайские переговоры. Зато и Германия, и Франция присоединились к этому выступлению. Мир в Симоносеки был подписан 17 (5) апреля: Китай уступал Японии Формозу, Пескадорские острова и Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, отказался от своих прав в Корее и должен был уплатить контрибуцию. Занятие Ляодунского полуострова давало Японии опорную точку на материке и ключ к Печилийскому заливу, подступам с моря к китайской столице. Европейские державы решили потребовать у Японии отказа от захвата территории на материке Азии, предоставляя ей в виде компенсации увеличенную контрибуцию.

23 апреля выступление трех держав в Токио состоялось. Посланники России, Германии и Франции предъявили свои требования министру иностранных дел Аоки. «Соппротивление трем великим державам было бы бесполезно», – подчеркнул при этом германский посланник. Князь Лобанов-Ростовский уже снесся с другими участниками выступления, чтобы в случае отказа соединенный флот трех держав прервал сообщение между Японией и ее войсками, находившимися на материке. Англия не сочувствовала этому шагу, но и не возражала против него. Япония уступила после долгих колебаний: она все же сохраняла большую часть приобретен-

---

¹² Русское богатство. 1895. Февраль.

ного, и для «сохранения лица» ей было дано право объявить Симоносекский договор действительным, но затем, в виде «великодушного жеста», вернуть Китаю Ляодунский полуостров по получении первых взносов повышенной контрибуции. Покровительствуя слабому Китаю против сильной Японии, Россия, Германия и Франция в данном случае защищали общие интересы европейских держав. Объединение массивного Китая с технически сильной Японией переменило бы соотношение сил не только в Азии, но и во всем мире. Но Франция в этом участвовала только ради союза с Россией. Французскому правительству в этом вопросе приходилось выдерживать сильный внутренний натиск.

По настоянию государя Франция согласилась принять участие в международном торжестве открытия Кильского канала. К этому времени уже президент Казимир Перье ушел, горько жалуясь на связанность президентской власти; его сменил Феликс Фор; а вместо кабинета Дюпюи правил кабинет А. Рибо с министром иностранных дел Ганото.¹³ Радикалы вели ожесточенную борьбу против этого кабинета и, по обыкновению, не преминули воспользоваться патриотическими доводами.

В парламенте и в печати начались протесты против отправки в Германию французской эскадры; а когда еще Франция оказалась вместе с Германией при выступлении против Симоносекского мира и стало известно, что теоретически допускалась возможность совместных боевых действий флотов трех держав, – все блюстители идеи реванша во главе с Деруледом забили тревогу. По соображениям внутренней политики им вторили радикалы. Идея примирения с Германией не встречала сочувствия в руководящих политических кругах. Правительство, считаясь с волей России, в известной мере к этому шло, но и то не особенно охотно.

10 июня в палате депутатов состоялась настоящая атака на кабинет. Что дает нам дружба с Россией? – говорили ораторы оппозиции. Каковы наши отношения с ней? Рибо и Ганото в ответе впервые решились произнести слово «союз». «Наш флот в Киле будет на своем месте – бок о бок с флотом наших *союзников*», – заявил Рибо. Это произвело сильное впечатление, и доверие кабинету было выражено огромным большинством.

Видный французский журнал¹⁴ писал о выступлениях оппозиции: «Они говорят – к чему нам союз, который не начинается с возвращения Эльзаса и Лотарингии?.. Каковы бы ни были добрые намерения Санкт-Петербургского правительства в отношении нас, оно с первого же слова порвало бы переговоры, которые бы заведомо имели подобную цель». Тут вскрылось внутреннее противоречие франко-русского союза: тогда как Россия имела в виду сохранение европейского мира, во Франции союзом интересовались главным образом с точки зрения возможности возвращения Эльзаса – на что едва ли можно было рассчитывать без новой большой войны.

Чтобы облегчить французское участие в Кильских торжествах, русское правительство согласилось на следующий маневр: русская и французская эскадры встретились в датских водах и вместе прибыли в Киль. Торжества прошли благополучно. Германия, со своей стороны, любезно приняла гостей и даже убрала подальше с их глаз свои военные суда «Вейссенбург» и «Верт», напоминавшие о французских поражениях 1870 г.

Германское правительство в то время было настолько уверено в невозможности союза самодержавной России с республиканской Францией, что германский посол в Париже, граф Мюнстер, писал по поводу выступлений Рибо в палате: «Все равно, говорят ли «согласие» или «союз»: это все еще незаконное сожительство, лишенное формальной санкции императора. Большинство французов удовлетворяются выражением «союз» и русско-французской комедией при въезде в Кильскую гавань». Это писал германский посол в Париже через три года

¹³ Так в России было принято писать эту фамилию, которая, конечно, по-французски произносилась Аното.

¹⁴ Revue des deux Mondes. 15.VI.1895.

после подписания франко-русского союза: хорошо в то время хранились дипломатические тайны!

Но когда приезд генерала М. И. Драгомирова на французские осенние маневры совпал с пребыванием в Париже князя Лобанова-Ростовского и это явилось поводом для новых манифестаций в честь франко-русской дружбы, в Германии забеспокоились. Граф Эйленбург, принимая в своем имении возвращавшегося из Парижа князя Лобанова-Ростовского, всячески сетовал на дружбу России с «республиканцами». Русский министр в ответ говорил о миролюбивом настроении Франции и высказал мнение, что России следует поддерживать нынешнее умеренное правительство, раз восстановление монархии все равно невозможно. Этот разговор происходил в начале октября, а уже в конце того же месяца кабинет Рибо был свергнут, и к власти пришло радикальное министерство Леона Буржуа.

Из других фактов внешней политики в первый год царствования государя заслуживает внимания приезд болгарской делегации. Россия не имела с Болгарией дипломатических сношений и не признавала ее правительство законным. Со времени свержения Стамбулова болгары всячески старались снова завязать сношения с Россией. Летом 1895 г. в Санкт-Петербург приехала болгарская делегация с митрополитом Климентом во главе, встретившая у государя милостивый прием. Правда, тут же было объявлено, что прием этот оказывается болгарскому народу, в чувствах которого Россия никогда не сомневалась, а не «группе людей, именующей себя болгарским правительством». Тем не менее лед был пробит: признание состоялось в следующем году.

Во внутренней жизни России крупных новых фактов не было. Продолжались начинания прошлого царствования. С января 1895 г. вступили в силу: новый железнодорожный тариф – исключительно дешевый для едущих на дальние расстояния – и русско-германский торговый договор. Начал проводиться, сперва только в четырех губерниях, закон о винной монополии. Усиленно продолжалась постройка Великого сибирского пути; вообще 1895 г. был снова рекордным в железнодорожном строительстве.¹⁵

Наметились, однако, и некоторые новые черты. Государь проявил интерес к женскому образованию; на докладе тульского губернатора о желательности более широкого привлечения девочек в народные школы он поставил пометку: «Совершенно согласен с этим. Вопрос этот чрезвычайной важности». Было утверждено положение о женском Медицинском институте (в начале царствования императора Александра III женские медицинские курсы были закрыты за царивший на них революционный дух). Кредиты на церковно-приходские школы были значительно увеличены (почти вдвое).

Весною в Санкт-Петербурге, в Соляном городке, состоялась Первая Всероссийская выставка печатного дела, в которой приняли участие все периодические издания и все книгоиздательства.

В литературе этот год ознаменовался первыми выступлениями московских «декадентов» с Валерием Брюсовым во главе, жестоко осмеянных всей печатью. В толстых журналах разгоралась полемика между народниками и марксистами относительно значения капитализма для России. 21 февраля умер Н. С. Лесков, и радикальный «Мир Божий» по этому поводу написал: «Мы считаем за лучшее не высказывать своего мнения, следуя правилу: о мертвых или хорошо, или ничего». Но даже и «Русская мысль», в которой Н. С. Лесков сотрудничал, только решилась написать, что «для всесторонней и беспристрастной оценки не наступило еще благоприятного времени». Такова была в те дни сила интеллигентского остракизма!

В экономической области, где государь оставил распоряжаться С. Ю. Витте, были сделаны первые шаги для проведения валютной реформы. Были разрешены сделки на золото по курсу дня, иными словами, было официально признано расхождение между кредитным и золо-

---

¹⁵ За год открыто 1886 верст железнодорожного пути – цифра, до того не достигавшаяся.

тым рублем (монету в 10 рублей разрешалось продавать за 15). Опубликован был закон о производстве Первой Всенародной переписи (на 1 января 1897 г.).

Истолковывая русскую внутреннюю политику для иностранного общественного мнения, А. А. Башмаков писал во влиятельном французском журнале:¹⁶

«Строй этот содержит идеал... Этот идеал, несмотря на многие противоречия и бесчисленные недочеты, – это представление о сильном неограниченном Царе, справедливым как Бог, доступном каждому, не принадлежащем ни к какой партии, обуздывающем аппетиты сильных, высшем источнике власти, который судит, карает и исцеляет социальную несправедливость.

Люди наиболее преданные благу страны сейчас проникнуты величайшим скептицизмом в отношении этих спасительных лекарств, этих всемирных панацей, которыми во всех странах полагают исцелить все недуги и покончить со всеми затруднениями. В сущности, весьма мало интересуются вопросом о парламентаризме и в особенности не доверяют красивым словам».

Эти слова, конечно, характеризуют умонастроение власти, а не большинства общества. Но и в некоторых слоях интеллигенции стало замечаться известное смягчение вражды. «Русская мысль» сочла нужным следующими словами отметить годовщину восшествия государя на престол: «Император Николай II отметил первый год своего царствования особенною заботой о нуждах просвещения. В этот же год Высочайшее повеление вновь создало у нас и высшее женское образование. Каждый монарх, в особенности у нас, вносит в управление нечто новое, соответствующее духу самого государя, и русское общество исполняется надеждой, что царствование императора Николая II будет животворить нашу школу и нашу общественную самодеятельность».

В Британской энциклопедии¹⁷ сэр Д. Маккензи-Уоллес, автор известной книги о России, так характеризует первые шаги царствования императора: «Бесшумно совершилась большая перемена в способах проведения законов и министерских циркуляров. Походя на своего отца во многих чертах характера, молодой царь имел более мягкие, гуманные наклонности и был в меньшей степени доктринером. Сочувствуя стремлениям своего отца – созданию из святой Руси однородной империи, – он не одобрял основывавшихся на этом репрессивных мер против евреев, сектантов и раскольников, и он дал понять без формального приказа, что применявшиеся дотоле суровые меры не встретят его одобрения».

Если император Николай II желал сохранить в своих руках всю полноту самодержавной власти, если он глубоко уважал и ценил своего отца, это еще не значило, что его правление должно было явиться только «прямым продолжением прошлого царствования».

---

¹⁶ Revue politique et parlementaire. 1895.

¹⁷ В издании 1911 г. Оценка прошлого в Британской энциклопедии, увы, иногда меняется от перемен в политической обстановке. В новом издании этих строк уже нет.

Глава 3

1896 г. – Признание болгарского правительства. – Коронация. – Ходынская катастрофа. – Нижегородская выставка. – Торгово-промышленный съезд. Освящение Владимирского собора в Киеве. – Поездка государя за границу. – Его пребывание во Франции. – Инцидент с «Гражданином». – Проект занятия Босфора. – Забастовка на текстильных мануфактурах в Петербурге. – Студенческие беспорядки в Москве

1896 г. ознаменовался тремя заметными событиями: коронацией, Всероссийской выставкой в Нижнем Новгороде и поездкой государя за границу.

Произошедшая в самом конце 1895 г. замена И. Н. Дурново на посту министра внутренних дел И. Л. Горемыкиным лишь в слабой степени могла считаться изменением политического курса. И. Л. Горемыкин, сочетавший государственную службу с деятельностью земского гласного Новгородской губернии, в ту пору считался умеренным либералом, но у него не было своей ярко выраженной программы, и он всегда оставался глубоко лояльным, но несколько пассивным исполнителем воли монарха.

Первые месяцы 1896 г. были заполнены подготовкой коронационных торжеств в Москве и «смотра русского хозяйства» – Нижегородской выставки. В остальных отношениях продолжалась очередная работа. Винная монополия, введенная с 1895 г. в четырех губерниях, была распространена еще на двенадцать. Был создан государственный фонд, из которого на оказание помощи нуждающимся литераторам отпускалось по 50 000 рублей в год. В печати и в Императорском вольно-экономическом обществе начиналось обсуждение денежной реформы.

Примирение между Россией и Болгарией, наметившееся уже во время приезда в Санкт-Петербург болгарской делегации во главе с митрополитом Климентом, состоялось наконец по случаю перехода в правление малолетнего наследника болгарского престола, князя Бориса (3 (15) февраля 1896 г.). Крестным отцом королевича был сам государь. Русский представитель, граф Голенищев-Кутузов, официально присутствовал на крестинах и был встречен восторженными приветствиями болгарского населения, а князь Фердинанд воскликнул перед народной толпой: «Да здравствует император Николай II, покровитель болгар!» Окончательное признание состоялось немного позднее – князь Фердинанд приезжал для этого в Санкт-Петербург в начале апреля.

За эти месяцы японское влияние в Корее понесло тяжкий ущерб – корейский король бежал под защиту русской миссии в Сеуле. Итальянцы потерпели полный разгром под Адудей в Абиссинии. Во Франции сенат сверг радикальный кабинет Леона Буржуа, и снова образовалось умеренное правительство во главе с Мелином, причем, к большому удовольствию русских дипломатических кругов, министром иностранных дел стал опять Ганото. «Оглядка на Россию» сыграла не последнюю роль в таком разрешении французского министерского кризиса.

* * *

Венчание на царство – важное событие в жизни монарха, в особенности когда он проникнут такою глубокою верою в свое призвание, как император Николай II. Коронация – праздник восшествия на престол, когда по окончании траура по усопшем монархе новый царь впервые является народу среди пышного блеска церковных и государственных торжеств.

Задолго до назначенного дня в Москву, древнюю столицу, стали собираться гости со всех концов. К приезду государя – дню его рождения, 6 мая, – вся Москва украсилась флагами и цветными фонариками. 9 мая состоялся торжественный въезд в столицу из Петровского подмосковного дворца. Каждый день приносил новые зрелища: то прибывали чрезвычайные иностранные посольства; то происходили военные парады. 13 мая императорская чета

переехала в Кремль. Русские коронационные торжества 1896 г. были, между прочим, первым большим государственным празднеством, которое осталось запечатленным на кинематографической ленте.¹⁸ Газеты перечисляли высокопоставленных гостей: прибыла королева эллинов Ольга Константиновна; принц Генрих Прусский, брат Вильгельма II; герцог Коннаутский, сын английской королевы; итальянский наследный принц Виктор-Эммануил; князь Фердинанд Болгарский; князь Николай Черногорский; наследный принц Греческий Константин; наследный принц Румынский Фердинанд; германские великие герцоги и принцы. По словам «Нового времени», на коронации присутствовали: одна королева, три великих герцога, два владетельных князя, двенадцать наследных принцев, шестнадцать принцев и принцесс... Не последнее место занимала на торжестве и чрезвычайная китайская делегация во главе с Ли Хунчаном.

14 мая, в день коронации, в карауле был Преображенский полк. К 9 часам утра в Успенском соборе собрались почетные гости. От крыльца Большого дворца к паперти собора были посланы ковры. На паперти государя встретило духовенство, и московский митрополит Сергей обратился к нему со словами: «Благочестивый государь! Настоящее твое шествие, соединенное с необыкновенным великолепием, имеет цель необычной важности. Ты вступаешь в это древнее святилище, чтобы возложить здесь на себя царский венец и восприять священное миропомазание. Твой прародительский венец принадлежит тебе единому, как царю единодержавному, но миропомазания сподобляются все православные христиане, и оно неповторяемо. Если же предлежит тебе восприять новых впечатлений этого таинства, то сему причина та, что как нет выше, так нет и труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения. Чрез помазание видимое да подастся тебе невидимая сила, свыше действующая, к возвышению твоих царских доблестей озаряющая твою самодержавную деятельность ко благу и счастью твоих верных подданных».

В соборе государь и государыня заняли места на троне под балдахином напротив алтаря; отдельный трон был воздвигнут для вдовствующей императрицы Марии Феодоровны. Митрополит Санкт-Петербургский Палладий, взойдя на верхнюю площадку трона, предложил государю прочесть Символ веры.

Император Николай II громким, отчетливым голосом повторил слова Символа веры. Облачившись в порфиру и венец, взяв в руки державу и скипетр, он затем прочел коронационную молитву, начинающуюся словами: «Боже Отцов и Господи милости, Ты избрал мя еси царя и Судию людям Твоим...»

После этого молитву от лица всего народа огласил митрополит Палладий: «Умудри убо и поставь проходить великое к Тебе служение, даруй Ему разум и премудрость, во еже судити людям Твоим во правду, и Твое достояние в тишине и без печали сохранить, покажи Его врагом Победительна, злодеем Страшна, добрым Милостива и Благонадежна, согрей Его сердце к призрению нищих, к приятию странных, к заступлению напаствуемых. Подчиненное Ему правительство управляя на путь истины и правды, и от лицепрятия и мздоприимства отражая, и вся от Тебе державы Его врученныя люди в нелицемерной содержи верности, сотвори Его отца о чадах веселящегося, и удивиши милости Твоя от нас... Не отврати лица Твоего от нас и не посрами нас от чаяния нашего...»

Хор грянул «Тебе Бога хвалим».

После литургии, которую государь выслушал стоя, сняв с себя венец, он восприял миропомазание. В этот миг колокольный звон и салют из 101 выстрела возвестили городу, что таинство совершилось. Митрополит Палладий ввел государя в алтарь через Царские врата, и там он приобщился Святых Тайн «по царскому чину» под обоими видами.

¹⁸ В апреле в 1897 г. в Соляном городке в Санкт-Петербурге впервые показывали «живую фотографию» (кинематограф Люмьера): московские коронационные торжества (19 картин).

С этой минуты, исключительной и высокоторжественной для государя, он почувствовал себя подлинным помазанником Божиим; чин коронования, такой чудный и непонятный для большинства русской интеллигенции, был для него полон глубокого смысла. С детства обрученный России, он в этот день как бы повенчался с ней.

Последующие празднества – на тринадцатый день коронационных торжеств, 18 мая, – омрачены были катастрофой на Ходынском поле. На этом обширном пространстве, служившем для парадов и учения войск, собралась толпа свыше полумиллиона человек, с вечера ждавшая назначенной на утро раздачи подарков – кружек с гербами и гостинцев. Ночь прошла спокойно; толпа все прибывала и прибывала. Но около 6 часов утра – по словам очевидца – «толпа вскочила вдруг как один человек и бросилась вперед с такой стремительностью, как если бы за нею гнался огонь... Задние ряды напирали на передние, кто падал – того топтали, потеряв способность ощущать, что ходят по живым еще телам, как по камням или бревнам. Катастрофа продолжалась всего 10–15 минут. Когда толпа опомнилась, было уже поздно».

Погибших на месте и умерших в ближайшие дни оказалось 1282 человека; раненых – несколько сот.

В день несчастья был назначен прием у французского посла, и государь (по представлению министра иностранных дел князя Лобанова-Ростовского) не отменил своего посещения, чтобы не вызывать политических кривотолков. Но на следующее утро государь и государыня были на панихиде по погибшим и позже еще несколько раз посещали раненых в больницах. Было выдано по 1000 рублей на семью погибших или пострадавших, для детей их был создан особый приют; похороны приняты были на государственный счет. Не было сделано какой-либо попытки скрыть или приуменьшить случившееся – сообщение о катастрофе появилось в газетах уже на следующий день 19 мая, к великому удивлению китайского посла Ли Хунчана, сказавшего Витте, что такие печальные вести не то что публиковать, но и государю докладывать не следовало!.. Печать оживленно обсуждала причины катастрофы; общественное мнение стало искать ее виновников. Левые органы печати кивали на «общие условия», писали между прочим, что если бы у народа было больше разумных развлечений, он не рвался бы так жадно к «гостинцам»... Было назначено следствие, установившее отсутствие какой-либо злой воли; указом 15 июля за непредусмотрительность и несогласованность действий, имевших столь трагические последствия, был уволен заведовавший в тот день порядком и. о. московского обер-полицмейстера, и понесли различные взыскания некоторые подчиненные ему чины.

Печаль о погибших не могла, однако, остановить течение государственной жизни, и уже 21 мая на том же Ходынском плацу дефилировали стройные ряды войск. Коронационные торжества закончились 26 мая. Они сопровождались, по традиции, изданием манифеста со всевозможными льготами – понижением налогов и выкупных платежей, а также прощением недоимок на общую сумму до 100 миллионов рублей, смягчением наказаний, различными пожертвованиями (в том числе 300 000 рублей на студенческое общежитие) и рядом милостивых высочайших рескриптов, обращенных к старейшим заслуженным духовным и государственным деятелям – всем трем митрополитам, фельдмаршалу И. В. Гурко, генералу Ванновскому и др.

Французский кабинет Мелина – Ганото, стремившийся всячески подчеркнуть свою связь с Россией, отпустил на день коронации русского царя учеников всех школ; президент Феликс Фор и члены правительства явились на торжественное богослужение в русской церкви на улице Дарю. Париж был украшен русскими и французскими флагами. Солдатам дали добавочную порцию вина, сложили с них многие взыскания... Германский посол недовольно писал о «культе России», «насаждаемом сверху» французским правительством.

В манифесте 26 мая государь выразил удовлетворение по поводу приема в Первопрестольной. «Народные чувства, – говорилось в нем, – с особенной силой выразились в день

народного праздника и послужили Нам трогательным утешением в опечалившем Нас посреди светлых дней несчастья, постигшем многих из участников празднества».

На второй день по окончании коронационных торжеств, 28 мая, в Нижнем Новгороде открылась Всероссийская выставка. Намеченная еще при императоре Александре III, подготовленная главным образом Министерством финансов, эта выставка должна была показать достижения русского хозяйства за последние четырнадцать лет.

* * *

Выставка занимала обширное пространство – около 60 десятин – на левом берегу Оки, близ территории ежегодной ярмарки. К ее началу были готовы еще не все павильоны. На открытие съехалось большинство министров и кое-кто из коронационных гостей (в том числе Ли Хунчан). С. Ю. Витте произнес речь, объясняя выбор Нижнего – «средоточия нашей внутренней торговли, расположенного недалеко от Первопрестольной столицы, на главнейшей реке Русского государства и на историческом пути в азиатские страны».

* * *

«Наша задача, – говорил министр финансов, – наглядно представить России и всему миру итоги того духовного и хозяйственного роста, которого достигло ныне наше отечество со времени Московской выставки 1882 г. Последние годы отмечены чрезвычайным ростом нашего отечества. Перед лицом этой правды, наглядно показанной здесь, на песчинке обширной русской земли, не может не охватывать патриотическая радость».

Витте в заключение подчеркнул «глубокую государственную мудрость» системы промышленного протекционизма.

Плата за вход на выставку была установлена в 30 копеек, а для фабричных рабочих и для учащихся вход был бесплатный; им, кроме того, предоставлялся даровой проезд по железным дорогам до Нижнего и обратно.

Несмотря на тщательную подготовку целого ряда отделов, в частности Русского Севера или художественного отдела, которым заведовал художник А. Н. Бенуа, выставка сначала привлекала мало публики – за первые пять недель число посетителей в среднем составляло 5000 человек в день; при обширности выставки она казалась почти пустой, и критики из толстых журналов злорадно писали: «Посетителей сотни, а рассчитывали на тысячи и миллионы...»

С другой стороны, выставка производила внушительное впечатление. «Обойдя витрины отделов, – говорил председатель Нижегородского ярмарочного комитета С. Т. Морозов, – вы невольно убеждаетесь, что Россия быстрыми шагами идет вперед, что целые отрасли промышленности у нас могут с успехом заменить иностранцев. Вы чувствуете совершенно невольно прилив сил, энергии, приобретаете сознание, что время даром не ушло, не потеряно...»

Но газеты, и не только левые, в один голос отмечали отсутствие увеселительной стороны. Такой поклонник развития промышленности, как всемирно известный ученый Д. И. Менделеев, писал в «Новом времени» 5 июля 1896 г., сравнивая Нижегородскую выставку с проходившей одновременно в Лондоне индийской выставкой, которую он называл «балаганом»: «В Нижнем все взято с серьезной, даже, может быть, чересчур серьезной стороны, без расчета на средние вкусы и нравы, чем объясняется малое число посетителей. Смотреть нашу выставку значит узнавать, учиться, мыслить, а не просто «гулять»... Д. И. Менделеев в то же время подчеркивал, что выставка показала (с 1882 г.) рост железных дорог с 22 500 до 40 000 верст, добычи каменного угля с 230 до 500 миллионов пудов, нефти с 50 до 350 миллионов, выплавки чугуна с 28 до 75 миллионов и т. д.

С. Ю. Витте в своей речи 16 июля при открытии ярмарки (происходившей параллельно с выставкой) заявил с некоторым высокомерием: «Мне предлагали оживить выставку публикой, падкой до развлечений, ресторанов и кафешантанов. Но десять человек, которые чему-нибудь научились, важнее двадцати тысяч прогуливающихся. О важности многих дел судят напрасно по числу голосов за и против, тогда как настоящее дело делает не масса, а отдельные лица». Однако на увеселительную сторону было впоследствии обращено внимание: в Нижнем открылись театры, появился балет, начали устраиваться народные увеселения.

Государь и государыня приезжали в Нижний Новгород 17–20 июля. В самый момент их приезда на выставку пошел сильнейший град, выбивший стекла во многих отделах, люди суеверные увидели в этом плохое предзнаменование. Государь остался доволен выставкой, дававшей яркое и наглядное представление о производительных силах его страны.

В июле посещаемость поднялась уже до 8000 в день, а в августе, в самый разгар сезона, достигла 15 000.

С 4 по 17 августа заседал в Нижнем так называемый торгово-промышленный съезд, вокруг которого возгорелась борьба между купеческими и промышленными кругами, с одной стороны, «интеллигенцией» и сельскохозяйственными кругами – с другой.

Нижегородская газета «Волгарь» выступила (6 июля) с необычной по русским условиям статьей: «Купечество наиболее всех других сословий сохранило в себе самобытный русский дух, – стояло в ней, – и национальные чувства нигде не проявляются с такой силой, уверенностью и широтой, как в этом сословии». Оно единственно сильное в наше время и своей зажиточностью. «*Оно все может*», – заявлял нижегородский орган, напоминая дворянам, что «многие сословия, в силу изменившихся социальных условий, не могут, как во время былой старины, проявлять свою силу...».

Эта статья вызвала резкую отповедь столичной печати, как левой, так и правой. На «торгово-промышленном» съезде, включившем в свой состав также профессоров технических учебных заведений, представителей ученых и технических обществ и просто «лиц, известных своими трудами на пользу промышленности и торговли», неожиданно сложилось большинство, отрицательно относившееся не только к стремлению промышленников добиться усиления государственной поддержки, но и ко всей протекционистской политике С. Ю. Витте.

Сначала в секции, потом в общем собрании съезда по вопросу о пошлинах на сельскохозяйственные орудия была вынесена резолюция, требующая *понижения* таможенного тарифа. Д. И. Менделеев отстаивал хотя бы сохранение этих пошлин при широком развитии кредита на покупку сельскохозяйственных орудий и машин; но съезд, большинством 140 против 63 голосов, принял резолюцию профессора Ходского о желательности снижения.

Председатель съезда, сенатор Д. Ф. Кобеко, в заключительной речи (17 августа) мотивировал это решение интересами сельского хозяйства: «Уже в Новороссии, на Волыни, в Прибалтийском крае надвигается волна иностранной колонизации, – говорил он. – Хорошо, чтобы землю вспахивал русский плуг, но еще важнее, чтобы на ней работал русский человек...» Отвечая на довод «пусть идут в город», Д. Ф. Кобеко продолжал: «Земледелец, помещик или крестьянин, это безразлично – не может расстаться с легким сердцем с землей, потому что в этой земле сложены кости его предков, что эта земля была его колыбелью, что с владением ею связаны лучшие минуты его жизни... Духовная связь с землей составляет великую силу русского населения, которая заслуживает глубокого уважения и требует мер охраны и поддержки...»

Торгово-промышленные круги, крайне недовольные оборотом дела, хотели использовать ярмарочный комитет в противовес решениям съезда, но С. Ю. Витте их успокоил. С. Т. Морозов на банкете при закрытии ярмарки обратился к министру финансов с речью. Съезд, говорил он, не имеет особого кредита. Мы, промышленники, привыкли долго думать, прежде чем рискнем кому-нибудь оказать кредит.

С. Ю. Витте подтвердил, что его позиция неизменна: «Какое же это было бы правительство, если бы за указанием путей оно обратилось к съезду?... Десять человек могут сказать умное, а тысячи – неразумное. Первое будет принято, второе нет... Пока с нас, извините за выражение, дерут шкуру, о сложении пошлин нельзя думать... Можно было бы подумать, что это говорили люди, присланные из-за границы!» Министр финансов решительно заявил, что понижение пошлин возможно только при одновременной перемене таможенной политики во всех странах – «если бы все народы сказали – зачем мы душим друг друга?».

Выставка продолжалась еще до 1 октября, но ее посещаемость в сентябре снова упала до 5000–6000. Всего ее посетило 991 000 человек: из них 282 000 по бесплатным билетам – рабочих и учащихся. Эта последняя цифра весьма значительна: Нижегородская выставка, несомненно, сыграла свою роль в *самопознании России*.

* * *

Вскоре после посещения Нижегородской выставки государь предпринял свою первую поездку за границу со времени восшествия на престол. Эта поездка существенно отличалась от всех предшествующих. Основным вопросом было посещение республиканской Франции.

Со времени Всемирной выставки 1867 г., бывшей еще при Наполеоне III, Париж не принимал в своих стенах коронованных гостей. Провозглашение республики, совпавшее с поражением во Франко-прусской войне, внешним образом изолировало Францию в тогда еще монархической Европе. Именно поэтому французское правительство придавало особенное значение приезду государя. Отказаться посетить страну, с которой Россия уже четыре года была связана союзом, хотя еще и тайным, и навестить в то же время тех, кого Франция считала своими врагами, значило бы резко повернуть руль, порвать с внешней политикой императора Александра III.

Государь, с первых дней своего царствования стремившийся превратить франко-русский союз из орудия «реванша» в орудие европейского замирения, решил обставить свою поездку рядом условий, смягчавших ее политический характер. В частности, он потребовал полного воздержания от каких-либо антигерманских выпадов и предварительного просмотра им всех речей, с которыми к нему будут обращаться. Французское правительство дало все нужные заверения.

Первый визит (15–17 августа) старейшему из правителей соседних держав, австрийскому императору Францу-Иосифу, был краток и лишен политического значения. При возвращении из Вены в Киев в дороге скоропостижно скончался сопровождавший государя министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский. Преемник ему был назначен только через с лишком четыре месяца; в дальнейшем пути государя сопровождал товарищ министра, Н. П. Шишкин.

В Киеве государь присутствовал при освящении Владимирского собора, наиболее замечательного памятника русского церковного искусства в конце XIX в., – в росписи собора участвовали такие художники, как В. Васнецов и Нестеров, – и при открытии памятника императору Николаю I. «Собор Св. Владимира – целая эпоха в истории русской религиозной живописи, – писал о нем художественный журнал «Мир и искусство». – Русские художники, получившие высшее художественное образование, обыкновенно игнорировали нашу старинную иконопись... С появлением Васнецова и Нестерова все переменялось. Эти художники поняли народный дух религии, прониклись ею и благодаря этому создали такие произведения, которые близки народу... Оба этих художника ответили на запросы религиозного чувства, и заслуга их никогда не будет забыта. Васнецов выдвигает пышный, строгий, византийский характер православия, Нестеров его блаженную, наивную сторону».

Из «матери городов русских» государь проследовал в Бреславль и в Герлиц, где происходили маневры германской армии. Первая встреча с Вильгельмом II после вступления государя на престол прошла в дружественных тонах; но приходилось «лавлировать между Сциллой и Харибдой»: надо было, с одной стороны, успокоить германские опасения по поводу поездки в Париж, с другой – не сделать жеста, задевающего чувства французов. Государь вышел из положения со свойственным ему тактом, предоставив говорить императору Вильгельму и ограничиваясь в своих тостах ссылкой на традиционные чувства дружбы – одушевлявшие и его отца.

Вильгельм II пытался внушить государю идею таможенного союза Европы против Америки; канцлер князь Гогенлоэ «позондировал» его чувства насчет Англии, предсказывая, что она может лишиться Индии. «Император при этом засмеялся, – пишет князь Гогенлоэ, – и спросил, почему же Англия станет терять Индию? Кто ее возьмет у нее? Мы не так глупы, чтобы пускаться в подобное предприятие». В то же время государь указал на значение Сибирской дороги для его дальневосточной политики и заметил, что, когда дорога будет готова, придется, очевидно, потягаться с японцами. Он уже тогда придавал большое значение усиленному вооружению Японии.

Десятидневное пребывание в Дании и две недели, проведенные в шотландском замке Балморал у королевы Виктории, бабки императрицы, имели характер семейных визитов. Между тем Франция лихорадочно готовилась к встрече.

Раймон Пуанкаре, молодой блестящий политик (так его назвал Temps), произнося речь в Коммерси, сказал: «Предстоящий приезд могущественного монарха, миролюбивого союзника Франции, будет видимым увенчанием усилий нашей мудрости и нашей настойчивости; он покажет Европе, что Франция вышла из своей долгой изолированности и что она достойна дружбы и уважения».

«Этот первый визит, такой парадоксальный в своей новизне, такой естественный по своим побуждениям, визит самого мощного, самого абсолютного монарха на земле – самой молодой из республик», – как писал в передовой статье Temps, – занимал в течение двух месяцев французское общество. К празднествам готовились задолго. Для приезда в Париж на дни торжества давалась скидка в 75 процентов проездной платы; начало школьных занятий было отсрочено на неделю. На всем пути следования от вокзала в Пасси (куда должен был приехать царский поезд) до русского посольства на улице Гренель внаймы сдавались окна, причем цена доходила до 5000 франков за одно окно.

23 сентября (5 октября) государь, государыня и великая княжна Ольга Николаевна (ей было десять месяцев) прибыли в Шербур, где их встретил президент Феликс Фор, – и началась «русская неделя», закончившаяся 27 сентября шалонским парадом.

Париж был переполнен. К 2 миллиону его населения прибавилось 930 000 приезжих. На улицах было сплошное народное гулянье. Все стало русским или псевдорусским: мыло Le Tsar, конфеты с русским гербом или флагом, посуда с царскими портретами, игрушки, изображавшие русского медведя, а также государя, государыню и даже великую княжну Ольгу; царя изображали масленичные «прыгающие чертики», известная игрушка «мужик и медведь» превратилась в царя и Феликса Фора; модой воспользовалась реклама, и «пилюли Пинк» рекомендовались, чтобы сохранить здоровье для дней приезда царя; а на оборотах его портретов, раздававшихся даром на улице, печатались объявления сапожников и перчаточников. «Подарок царя» – можно было прочесть на магазинах готового платья, рекламировавших дешевую распродажу костюмов... Появился и «франко-русский» голландский сыр... Во всем этом было немало безвкусицы, но увлечение было несомненно искренним.

Это же увлечение сказывалось в потоке приветственных писем и открыток в русское посольство, во всевозможных проектах различных газет. Такой серьезный орган, как «Журнал де Деба», выступил с предложением дать имя Ольга девочкам, родившимся в октябре 1896 г., в честь дочери царя. Другие предлагали выкупить дома против русской церкви, снести

их и создать перед нею площадь с цветником. Было и предложение поднести имение русскому послу, барону Моренгейму, много потрудившемуся для приезда царя... всего не перечесать... Во всяком случае, бесспорно одно: парижское население было охвачено подлинным восторгом. Любовь к зрелищам соединялась с живущими в массах монархическими наклонностями, с чувством возросшей безопасности, с надеждами на реванш, и только немногие французы не поддались в эти дни искреннему увлечению государем и Россией. В то же время условие государя было выполнено: ни в речах, ни в манифестациях не сквозило антигерманских ноток, если не считать молчаливого возложения венков у статуи Страсбурга Лигой патриотов, и только карикатуры иностранных газет всячески подчеркивали эту сторону франко-русских отношений, на все лады склоняя слово «реванш».

В Париже государь проследовал от вокзала в посольство через шпалеры войск, за которыми теснилась миллионная толпа, под немолчные клики «Да здравствует царь! Да здравствует царица!», небывалые со стороны иностранной толпы. («Напоминает Москву... Наш гимн распевали французские солдаты на улицах... его даже играл орган в Нотр-Дам», – с неудовольствием отмечает радикальный обозреватель русского толстого журнала).

Из посольства, ставшего на эти дни императорским дворцом, государь первым делом проехал в русский храм на улице Дарю, а уже оттуда – в Елисейский дворец, к президенту.

Французская печать особенно подчеркивала визиты государя к председателям обеих палат – Лубе и Бриссону, обезоружившие даже последнего – старого радикала и ревностного хранителя республиканских традиций. После приема дипломатического корпуса у президента Фора был банкет, на котором государь, упомянув о «ценных узах», в особенности подчеркивал значение Парижа как «источника вкуса, таланта, света». Как можно меньше политики! – звучало в этой речи...

И действительно, парижские дни государя были заняты не политическими переговорами, а осмотром французской столицы. Первый вечер в Большой опере. На следующее утро, вместе с президентом, императорская чета посетила собор Нотр-Дам, где ее встретил кардинал Ришар, старинную Sainte Chapelle, где государю показывали древнее славянское Евангелие Анны Ярославны, Пантеон, могилу Наполеона в церкви Инвалидов.

За завтраком в посольстве собрались представители Бурбонов (герцог Омальский, герцог Шартрский), Бонапартов (принцесса Матильда, двоюродная сестра Наполеона III) и цвет французской аристократии.

Днем, под звуки «Боже, царя храни», состоялась в присутствии государя закладка моста императора Александра III (о чем и теперь можно прочесть на мраморной доске на правом берегу Сены). Артист Муне произнес при этом стихи известного поэта Ж.-М. Эредиа... «Пусть будущее навсегда укрепит за тобою – славное прозвание твоего предка Петра», – говорилось в них.

Мимо монетного двора, где государю вручили медаль в честь его пребывания в столице Франции, императорская чета проследовала во Французскую академию и присутствовала на заседании. Приветствуя гостей, председательствующий, академик Легуве, напомнил о приезде в Париж Петра Великого 5 мая 1717 г. (другие приезды русских монархов не были связаны с «приятными воспоминаниями»: приезд Александра I – со взятием Парижа русскими войсками, приезд Александра II – с покушением поляка Березовского). «Позвольте, – сказал Легуве, – заранее отпраздновать сегодня двухсотлетие сердечной дружбы между Францией и Россией». Прочитаны были также стихи Франсуа Коппе, обращенные к «славному сыну великодушного царя Александра Справедливого».

Все перемещения государя были известны заранее, и всюду его окружали огромные толпы. «Это не улицы, это гостиные!» – заметил он своим спутникам. Из Французской академии высокие гости направились в Парижскую городскую думу. Площадь перед нею была сплошь покрыта народом: город Париж чествовал русского императора. Второй день закон-

чился спектаклем-попурри в «Комеди Франсез»; особенные восторги вызвали стихи Жюль Кларети: «И ныне с Севера нисходит к нам надежда...»

На третий день государь и государыня утром осматривали музеи Лувра. По выраженному ими желанию их провели в галерею итальянских примитивов, причем императрице особенно понравилось «Увенчание Богоматери» Фра Анджелико. «Я здесь в первый раз, но не в последний раз», – сказал государь, уходя. Этому пожеланию не суждено было сбыться...

Мимо Севрской мануфактуры, через парк Сен-Клу, где били все фонтаны, императорская чета на полдня проехала затем в Версаль. «Когда государь вошел в галерею Зеркал, – описывал Temps, – перед ним открылась поразительная картина: все фонтаны, от верхней террасы до Большого канала, искрились на солнце, а все площадки, дорожки, все пространство между деревьями было покрыто пестрой толпой народа...»

День закончился представлением в Салоне Геркулеса. Сара Бернар декламировала стихи Сюлли-Прюдома – беседу версальской нимфы с тенью Людовика XIV, который в заключение говорил о государе: «Мне нечему его учить – чтобы поступать правильно, он только должен следовать примеру своего отца». Такие постоянные ссылки на пример императора Александра III в устах французских республиканцев были для государя особенно «пикантными» при сравнении с отношением русских, даже *умеренно* либеральных, отнюдь не республиканских кругов, к политике предшествовавшего царствования. Они ярко свидетельствовали об относительности, о своекорыстии политических оценок...

Последний день пребывания государя во Франции был единственным «политическим» днем. Государь знал, что нельзя было побывать в гостях у союзников, ничем не отметив близости; но свои слова он приберег на последний день, чтобы избежать манифестаций, развитие которых не всегда поддается предвидению. Покинув Париж, он отправился на большой парад французской армии под Шалоном. На завтраке, в военной обстановке Шалонского лагеря, государь сказал: «Франция может гордиться своей армией... Наши страны связаны несокрушимой дружбой. Существует также между нашими армиями *глубокое чувство братства по оружию*».

Это было все – но это было много. Слова эти мгновенно разнеслись по войскам, у многих офицеров – отмечали газеты – были слезы на глазах. «Мы переживаем исторический момент», – говорили они. В тот же день императорская чета со свитой отбыла в Германию, где провела три недели в Дармштадте, у родных государыни.

Во Франции удовлетворение было всеобщим. Приезд государя «пробил лед», Франция «восстановила свой ранг среди держав», как писали «Нейесте нахрихтен». Она стряхнула с себя подавленность поражения, тяготевшую на ней двадцать пять лет, почувствовала себя полноправной великой державой. Приезд царя был знаменательным этапом в жизни Французской республики. Это отразилось в известной мере и на ее внутренней политике. Престиж умеренного правительства Мелина – Ганото возрос и укрепился; оно продержалось сравнительно долго – 26 месяцев – и пало только среди бурь дела Дрейфуса, в 1898 г. Французы были даже склонны в известной степени учиться у русского царя. Газеты обратили внимание, что государь постоянно спрашивал: «Как долго вы были министром?» – «Как давно вы председателем?» – «Три года, это долго!» – заметил он Констану. «Не содержится ли в этом невольное предостережение по нашему адресу? – спрашивал Temps. – Не были ли бы мы сильнее, если бы у нас было больше устойчивости и последовательности?»

В России крайние левые круги были возмущены тем приемом, который «свободная страна» оказала «деспоту»; это проявлялось косвенно в кратких, полуиронических описаниях торжеств («5 октября началось сердцебиение Франции... Истратили 8 миллионов франков, выпили 10 миллионов литров вина...» – кратко писал «Северный вестник»). Либеральные и умеренные круги были довольны, тогда как справа делались тоже некоторые оговорки. Французская печать шумно возликовала по поводу инцидента с «Гражданином». 7 (19) октября

министр внутренних дел приостановил на месяц издание еженедельника князя В. П. Мещерского за нарушение циркуляра «о соблюдении приличий относительно правительств, состоящих в дружественных с Россией сношениях». Temps писал, что князь Мещерский – противник франко-русского союза, что, по мнению князя, этот союз сулит России войну и разорение ради возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии, а также усиливает либеральные и конституционные тенденции в русской жизни; его запрещение поэтому весьма знаменательно.

Инцидент, однако, не имел столь сенсационного характера: «Гражданин» был закрыт не за принципиальную критику франко-русского союза, а за помещение «сатирических заметок насчет президента Фора», как разъяснил князь Мещерский, бывший в Париже одновременно с государем. Циркуляр Министерства внутренних дел предлагал вообще «воздерживаться от неприязненных суждений по адресу тех глав правительств, гостем которых будет государь». Через три недели издание «Гражданина» возобновилось, причем в виде особой льготы с него были сложены предшествующие взыскания.

В общем, однако, несомненно, что, несмотря на все попытки смягчить и затушевать факты, главным последствием поездки государя было «всенародное оповещение о франко-русском союзе», тогда как раньше (по словам русского левого обозревателя) «иные не смели надеяться, другие боялись верить».

«Хотя слово союз не сказано, хотя его обходили, – тем не менее он все же существует, и мы должны с этим считаться», – доносил на следующий день после смотра в Шалоне германский посол граф Мюнстер, и ему вторил германский военный атташе Шварцкоппен: «Непосредственной опасности нет... Но пока Франция и Россия держатся вместе так, как при царском посещении, мы никоим образом не можем рассчитывать на благожелательное к нам отношение одного из этих государств».

Когда государь после двухмесячного пребывания за границей возвратился в Россию, ему вскоре пришлось принять ответственное решение по важному, притом уже старому вопросу. Многим в 1896 г. начинало казаться, что агония «больного человека» – Оттоманской империи – приходит к концу. На Крите шло усиленное брожение, готовилось отделение острова от Турции, и в других частях империи происходили снова резни армянского населения – даже в Константинополе, на глазах у правительства и послов! Основным новым фактом положения было, однако, то, что Англия, так долго и упорно защищавшая Турцию, готова была в ней отчаяться и в дипломатических разговорах ставила открыто вопрос о ее разделе.

Россия издавна считала Константинополь и проливы одной из своих целей; со времени войны 1877–1878 гг. и особенно после разрыва с Болгарией она как бы «ушла с Балкан», но никогда не отказывалась по существу от своих планов. Теперь связь с Болгарией была восстановлена; распад Турции допускался даже Англией. России представлялась возможность определить момент этого раздела.

Русский посол в Константинополе, Нелидов, считал данный момент для этого подходящим. Он приехал в Петербург, и 23 ноября состоялось у государя совещание по турецкому вопросу. Начальник штаба, генерал Обручев, горячо поддерживал Нелидова, заведующий Министерством иностранных дел Шишкин не возражал; намечалось, что, как только в Константинополе возникнут новые инциденты, – а их можно было ждать в любой день, – русский флот войдет в Босфор, и русские войска займут северную часть пролива. В дальнейшем ожидалось, что султан отдастся под суверенитет России или будет низложен и начнутся переговоры с другими державами о «компенсациях». Против этого проекта возражал только Витте. Государь выслушал всех, но оставил окончательное решение за собой.

Были предприняты некоторые предварительные шаги, показавшие на возможность перемены политики в турецком вопросе: Россия отказалась принять участие в международной комиссии по оттоманскому долгу. Ганото, встревоженный, беседовал об этом с русским послом

в Париже. «Взвесили ли вы все трудности?» – говорил он, доказывая, что занятие Босфора и Константинополя русскими привело бы к захвату Дарданелл англичанами и итальянцами.

В итоге государь *не отдал* приказа о занятии Босфора. Хотя обстановка и была сравнительно благоприятна, оставалось явное несочувствие Франции, в то время не видевшей для себя подходящих компенсаций, традиционно заинтересованной Ближним Востоком и бывшей крупным кредитором турецкого правительства; оставалась возможность протеста со стороны Тройственного союза. Государь не пожелал нанести удар, который рикошетом мог привести к большому европейскому столкновению. Он, кроме того, не желал «разбрасываться», он видел в будущем почти неизбежное столкновение в Азии, и если Константинополь еще не падал, как зрелый плод, если эта операция требовала усилий – он предпочитал от нее воздержаться.

* * *

Внутри России между тем начинали организовываться силы, враждебные государственной власти. Еще в конце 1895 г. возник социалистический Союз борьбы за освобождение рабочего класса, обращавший главное внимание на пропаганду среди рабочих. Это были непримиримые противники существующего строя, стремившиеся использовать всякое частичное недовольство в своих целях, – сторонники не реформ, а революции. В их числе были В. Ульянов (Ленин), недавно вернувшийся из-за границы, куда он ездил для установления связи с эмигрантами, Цедербаум (Мартов), Нахамкес (Стеклов), Крупская, Елизаров (муж сестры Ульянова) и другие, впоследствии хорошо известные лица.

В 1896 г. Ульянов-Ленин, арестованный в конце декабря предшествующего года за составление прокламаций (в том числе издевательской листовки по поводу рождения великой княжны Ольги Николаевны), сидел в предварительном заключении. «Брудер чувствовал себя отлично», – писал про него Елизаров. Свой «невольный досуг» Ленин использовал для составления книги «Развитие капитализма в России». Но другие его сотрудники продолжали действовать. Именно в этом году они перешли от «кружковщины» – «просветительных» кружков среди рабочих для внушения им своих идей – к действиям в более широком масштабе.

Поводом для этого выступления послужили забастовки на петербургских текстильных фабриках. Со стороны заводской администрации были допущены бестактности, возымевшие серьезные последствия. Все фабрики были закрыты – что было естественно – на три дня коронационных торжеств (14–16 мая); но платить фабриканты хотели только за один день. В течение недели шли переговоры; работы продолжались. 23 мая рабочие на Российской бумагопрядильной мануфактуре явились в контору и потребовали уплаты за коронационные дни; но хотя это требование было выполнено, они предъявили и другие условия, в том числе сокращение рабочего времени, и, не получив ответа, забастовали. Движение тотчас же перекинулось на другие мануфактуры, и в течение какой-нибудь недели стали все текстильные предприятия в Санкт-Петербурге под общим лозунгом сокращения рабочего дня на 2 1/2 часа. (В 90-х гг. рабочее время было везде – не только в России – значительно дольше, чем теперь. В Санкт-Петербурге оно достигало 13 часов – с 6 до 8 часов с часовым перерывом; рабочие требовали 10 1/2 часа – с 7 до 7 часов с полуторачасовым перерывом.)

Число бастующих, по официальным сведениям, достигло около 15 000 человек (сами они утверждали, что их вдвое больше). Почти с самого начала деятельное участие в забастовке принял Союз борьбы за освобождение рабочего класса, издавший за месяц 25 различных листовок, которые распространялись и на других заводах – даже в Москве. В своих воззваниях Союз сулил денежную помощь от иностранных рабочих. Тактика революционных кругов была довольно проста: пользуясь недовольством рабочих по конкретным поводам, толкать их на предъявление возможно более высоких требований, так как и неудачная забастовка, увеличивая нужду рабочих, способствовала росту недовольства в их среде.

Санкт-петербургские забастовки встревожили правительство своим быстрым развитием и своей организованностью, показывавшей планомерное руководство. Градоначальник Клейгельс не только издал воззвание к рабочим, но ездил на фабрики и вел беседы с бастующими. Министр финансов Витте, в ведении которого была промышленность, приехал в Санкт-Петербург из Нижнего, с выставки; он упрекал полицейские власти в непринятии своевременных мер. Но забастовка сама уже шла на убыль и продержалась дольше только на тех мануфактурах, где условия труда были лучше и где рабочие обладали более крупными сбережениями. «Помощь от германских рабочих» так и не пришла. Все движение длилось немного меньше месяца, но правительство сочло необходимым опубликовать о нем подробное сообщение.

Петербургские забастовки показали несомненную опасность. Они происходили из двух причин: действительно тяжелых условий фабричного труда и революционной воли организованной социалистической группы. Власть приступила прежде всего к борьбе с этой группой; летом и осенью произведено было много арестов – свыше тысячи; «У нас большие эпидемии», – сообщали петербургские члены Союза своим заграничным товарищам. Но этим дело не ограничилось. Была создана особая комиссия по изучению более глубоких причин успеха забастовочного движения, а министр финансов, собрав представителей текстильной промышленности, обратился к ним 6 июля с гневной речью. «Вы вряд ли можете себе представить, – говорил С. Ю. Витте, – правительство более благосклонное к промышленности, чем настоящее... Но вы ошибаетесь, господа, если воображаете, что это делается для вас, для того, чтобы облегчить вам наибольшую прибыль; правительство главным образом имеет в виду рабочих; этого вы, господа, кажется, не поняли, иначе последняя стачка бы не случилась. Доказательство этому, что стачка пощадила те заводы, которых владельцы сумели установить отношения между рабочими и хозяевами приличнее и гуманнее...» И попытки возражать Витте резко оборвал: «То, что вы собираетесь сказать, не ново; я собрал вас не чтобы выслушать и научиться, а чтобы сказать вам свое мнение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.